

Александр Сиваков

*Лунные
дети-1*

Настя

Александр Сиваков

Лунные дети-1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18534248

ISBN 9785447477622

Аннотация

Двадцать шестой век. На Земле появляется очень много детей с поразительно высоким уровнем умственного развития. Для малолетних интеллектуалов открываются специальные школы. Обучение начинается в десятилетнем возрасте и проходит более чем жёстко. Первый роман цикла. В школе Навигаторов под Вологдой, где проводится обучение будущих политиков и руководителей высшего звена, начинается новый учебный год.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	62
Глава 6	73
Глава 7	87
Глава 8	96
Глава 9	104
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Лунные дети-1

Настя

Александр Сиваков

*Самое большое счастье, которое может
выпасть в жизни, – это счастливое детство.*

А. Кристи «Автобиография»

© Александр Сиваков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Эйништейн создал эту головоломку в конце девятнадцатого века. Он утверждал, что даже без всяких ограничений во времени, 98% населения земного шара не в состоянии её решить. В этой головоломке нет никаких хитростей, она построена только на логическом мышлении.

- Есть 5 домов (№1...№5), каждый из которых одного определённого цвета;*
- В каждом доме живёт человек другой национальности;*
- Каждый из этих пяти людей пьёт только один напиток, курит только сигареты одного вида и содержит одно домашнее животное;*
- Ни один из пяти человек не пьёт напитков, не курит сигарет и не имеет такое же животное, как его сосед.*

Условия:

- Англичанин живёт в красном доме;*
- Швед держит собаку;*
- Датчанин пьёт чай;*
- Зелёный дом находится слева от белого дома;*
- Владелец зелёного дома пьёт кофе;*
- Человек, курящий PallMall держит птичку;*
- Человек, живущий посередине, пьёт молоко;*
- Владелец жёлтого дома курит Dunhill;*
- Норвежец живёт в первом доме;*

- Человек, курящий *Marlboro*, живёт рядом с человеком, который держит кошку;
- Человек, держащий лошадь, живёт рядом с курильщиком *Dunhill*;
- Человек, курящий *Winfield*, пьёт пиво;
- Норвежец живёт рядом с синим домом;
- Немец курит *Rothmanns*;
- Человек, курящий *Marlboro*, живёт рядом с человеком, который пьёт воду.

Вопрос: Кто держит рыбок?

Отметьте время, необходимое вам для решения данной задачи»

Добравшись до последней фразы, я задумалась, размышляя, зачем нужно указывать время. Похоже, один из показателей данного теста – самооценка. Если у меня не получится решить задачу за указанный мной же самой период, это значит, что я завышаю свои возможности, если решу быстрее – занижаю, а если уложусь вовремя... что лучше?

В клеточке, где нужно было указать время, я решительно поставила большой прочерк и тут же написала ответ.

Сразу зажегся зелёный индикатор.

В точку.

Я с облегчением перевела дыхание.

Специализация окончена.

Первый курс обучения пройден.

Теперь только от компьютера зависит, по какой специаль-

ности мне придётся учиться в следующие четыре года.

Затаив дыхание, я подняла глаза на главный монитор и не смогла сдержать торжествующей улыбки. Именно этого я и ожидала.

Аналитик.

Глава 1

Но это было в самом конце учебного года, и явилось итогом множества приключений – настолько невероятных, что, пожалуй, в реальность происходившего трудно будет поверить, если не участвовать в этом лично. Меня даже пытались два раза убить. Умная, говорили, чрезмерно.

Сейчас я оглядываюсь назад и мне кажется, что прошло много лет. На самом деле – всего ничего – каких-то девять месяцев.

Самый первый день в новой школе я запомнила до мельчайших подробностей. Особенно вторую его половину, когда я распрощалась со всеми домашними и осталась наедине с новой жизнью.

Так уж получилось, что из дома я никогда не уезжала так вот, надолго. Даже если мы куда-нибудь и ездили отдыхать, то всей семьёй, даже когда Санька была совсем маленькой. Санька – это моя сестрёнка...

Впрочем, расскажу обо всём по порядку.

У нас самая обычная семья – папа, мама, два ребёнка, множество самых разных родственников и по отцовской и по материнской линии. Меня зовут Настя и мне десять лет, сестрёнку зовут Саша, она в два раза моложе меня.

Всё бы было хорошо, если бы не одно «но». Я – не совсем обычный ребёнок. Точнее – совсем не обычный. В полгода я

научилась читать, в год – говорить, в полтора года – довольно сносно печатала на клавиатуре, а к четырём годам в полном объёме овладела курсом средней школы и начала изучать вузовские учебники.

И я не одна такая. В последнее время на Земле нас рождается всё больше и больше.

Как только нас не называют – «малолетние гении», «вундеркинды новой волны», «умники». Но стандартным наименованием стало короткое и ёмкое слово «супер». Мы не против. В русском языке есть термины гораздо менее позитивные.

Моя сестрёнка, слава Богу, вполне обычный ребёнок, чему я, кстати сказать, очень рада. Быть супером – не очень просто. Хотя – интересно, с этим не поспоришь.

Смотрю на Саньку – и мне страшно видеть, как живут обычные дети. Более-менее сносно читать они начинают лишь к семи-восемью годам, а серьёзные предметы начинают изучать лишь в десять-одиннадцать. Как же скучно им жить в этом мире!

Сызмальства мне была уготована привилегия обучаться в специализированной школе – «Штуке, – в которой живут и учатся только суперы и больше никто; обычным детям, какими бы умными они не были, туда не попасть.

Всё, что я знала про эти школы раньше, до поступления, не выходило за пределы информационных сообщений СМИ, которые не баловали изобилием информации.

То, что я попала в «Штуку» – в этом для меня неожиданности не было. Мои родители уже через несколько дней после рождения дочери, то есть меня, поняли, что я – не совсем обычный ребёнок и сизмальства приучали меня к мысли, что я буду учиться в спецшколе. Сюрпризом оказалось направление именно в Школу Навигаторов, которая занимала первую позицию в негласном рейтинге всех «Штук» ВО-ОБЩЕ.

До сих пор я считаю, что тогда, при распределении, произошла немыслимая ошибка. Вместе со мной перед дверями кабинета в министерстве сидели ещё несколько девочек моего возраста и один мальчик, совсем крохотный, лет пяти. Я вошла первой, усевшись в кресло перед компьютером, приготовилась отвечать на вопросы. Первый же заставил надолго задуматься.

«ОСНОВНАЯ ИДЕЯ РЕФОРМ СЕРВИЯ ТУЛЛИЯ?»

– Он разделил... разделил всех жителей Рима на... э-э-э... классы согласно чему... Благодаря его реформам появилось понятие классового сословия, что являл...

«В КАКОМ ГОДУ ПОТЕРПЕЛ АВАРИЮ „ЧЕЛЛЕНДЖЕР-10“?»

– В две тысячи сто двадцатом... или тридцатом... Не знаю!!! (Кстати сказать, 28 января 1986 года. ПРИМЕЧ. АВТОРА)

«ПЕРЕЧИСЛИТЕ ПЕРИОДЫ ВЕГЕТАТИВНОГО РАЗВИТИЯ РАСТЕНИЙ!»

Темп вопросов и их количество меня просто ошеломило. Уже через десять минут блиц-опроса я уверилась в том, что «Штуки» мне не видать, как собственных ушей. (Хотя, похоже, люди придумали эту поговорку, когда зеркал ещё не изобрели)

Вскоре я погрузилась в нирвану, то бишь напрочь перестала думать. Читая вопрос, я тут же, не задумываясь, выпаливала какую-то информацию, добытую из таких закоулков памяти, о которых и сама имела смутнок представление. Даже сама не помню, что именно и на какие вопросы я отвечала.

Это было очень необычно, по крайней мере, для меня. С некоторых пор я заподозрила, что у меня абсолютная память; даже если я очень хотела что-нибудь забыть, у меня это не получалось. Что же именно было в то время, пока я сидела перед экзаменационным компьютером, вспоминается эпизодично.

Вскоре вопросы перестали мельтешить перед глазами, и компьютер затих, словно насытившийся зверь. Я сидела в кресле, чувствуя, что руки сильно дрожат, а по лицу стекают крупные капли пота. Уже можно уходить? Или будет команда?

Неожиданно экзамен продолжился. Главной темой второй части опроса была история и – почему-то – математика. Путаясь в датах, иногда ошибаясь на целые века, мне удалось кое-как рассказать про царствование Нерона и возникнове-

ние католической конфессии христианства, про сегментарный базис тригонометрии и про Третью Республику во Франции, про гносеологию и Империю атлантов. Зато, когда началась экономическая география, я «поплыла». Почти на все вопросы мне пришлось отвечать честно «не знаю». Ситуацию немного спасло моё знание средневековых экономических моделей в Западной Европе, удалось также немного «блеснуть» на знании логики, зато в политологии опять пришлось путаться, тем более вопросы были такие, что обычных отрывочных знаний из стандартной энциклопедии, по которой я готовилась к экзамену, не хватало.

«ПОСЛЕДСТВИЯ ВЛИЯНИЯ АНАРХИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КАРТИНУ МИРА СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА?»

– Бакунин и Кропоткин..., – пискнула я и сама себе стала противна. В каком веке жили эти Бакунин и Кропоткин? Разве в семнадцатом? То, что именно они были как-то причастны к анархизму – это я знала точно, но вот даты, проклятые даты! Почему именно сейчас я не могу вспомнить ничего?!

Буквы на экране исчезли и на их месте появились новые: **«САМОЕ СКАНДАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СТАЛИНА?»**

– Я ещё на прошлый вопрос не ответила! – Не выдержала я.

Моему возмущению не было предела. Должна же я была

когда-нибудь сорваться. Впрочем, бунт исчез в самом зародыше. Что я могла сделать против компьютера? Не мониторы же, в конце концов, бить!

— В семнадцатом веке вообще анархизма не было! А Сталин написал «Головокружение от успехов»!

И тут же подумала, что, может быть, ни один ответ не принят, потому что я ответила сразу на два вопроса. И кто знает, Сталин написал «Головокружение» или Ленин? Кто их там разберёт, кому эта эпоха интересна кроме историков!

«ПЕРЕЧИСЛИТЕ ОСНОВНЫЕ СТРАНЫ АЗИАТСКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ВЕКА»

Тут я ответила без запинки, история послеамериканского мира мне была более-менее известна. Тем не менее, жуткое нервное напряжение сказалось тем, что я перепутала Китай и Парагвай, а на следующем вопросе поместила Индию в число стран третьего мира, где та никогда не была. Или была?

И хоть бы огоньки загорались, красный и зелёный, в зависимости от того, насколько верным был ответ. Нет же!

И целый час такой нервотрёпки!

Выйдя из кабинета, я механически протопала мимо родителей и только в граве, уже на полдороге домой, жалобно улыбнувшись, пролепетала:

— Подумаешь, буду учиться в обычной школе, чего тут такого...

Но сама понимала, насколько это будет неправильно. К обычным детям, самые умные из которых в семь лет только учились читать, я относилась с некоторым пренебрежением. Общаться с ними мне было просто-напросто неинтересно, поэтому я их всегда сторонилась. Да и они не были от меня в восторге. Мало кто любит умных сверстников.

Каким же было всеобщее удивление, когда на следующий день по сети пришло уведомление, в котором сообщалось, что Бахмунова Анастасия Вадимовна, то есть я, 2584 года рождения, белая, планета Солнце-3, приглашается для обучения в Школу юных талантов, отделение Навигаторов.

Я несколько раз перечитала письмо, а потом впервые в жизни чуть не упала в обморок.

Последние дни жизни дома прошли словно в каком-то сне. Я слонялась по комнатам, переставляла с места на место какие-то безделушки, ходила по саду... С удовольствием сходила бы к какой-нибудь подружке, но друзей у меня не было, а Сашеньке всего пять лет, ей в жилетку не очень-то поплачешься. Несмотря на нашу разницу в возрасте, которая у других девочек служит препятствием к дружбе, нас она наоборот связывала. Моя сестричка, пожалуй, единственный человек в моей жизни, которого я и любила, и люблю по-настоящему. Но слишком уж она маленькая и глупенькая, чтобы всерьёз воспринимать мои проблемы.

Впрочем, это всё лирика. Наверяд кого-нибудь из читателей заинтересуют мои семейные дела. Перейду к теме, ради

которой, собственно говоря, я и начала всё это писать.

Глава 2

Школа Навигаторов располагалась в зоне, которая в географических справочниках охарактеризовывалась как умеренно-континентальный климат с преобладанием таёжных и лиственных лесов. Если судить по карте, моё будущее учебное заведение находилось в одном из малонаселённых районов Вологодской области.

Местность там, действительно, оказалась совсем уж пустынной: под гравом среди моря пожелтевшей листвы мелькали редкие дома крохотных деревень, один раз на горизонте показались какие-то дымящие трубы. Трассы шоссе узкими лентами скотча перетягивали лес, словно ленточки – рождественский подарок. На небе не было видно ни одного грова, внизу – ни одного автомобиля. Возникало ощущение, словно всё вокруг вымерло не одно десятилетие назад и не собиралось возрождаться. Раньше я даже не представляла, что где-нибудь на нашей обжитой сверхтехнологичной планете есть такие места. Разве что Австралийский материк – но там отдельная история.

Тем неожиданней оказалась надпись на небе, которая вспыхнула почти перед самым нашим носом. «АНТИГРАВИТАЦИОННАЯ КАРАНТИННАЯ ЗОНА». Санька с мамой, сидящие на заднем сиденье дружно ойкнули, а я, чувствуя себя рядом с папой более защищённой, просто закры-

ла глаза.

Отец от неожиданности сделал в воздухе довольно сложный пируэт, хотя буквы были виртуальными и врезаться в них мы никак не могли.

– Это ещё что такое? – Буркнул он, стараясь сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Я понимала его недоумение. Такие карантинные зоны ставились, как правило, около объектов, имеющих стратегическое значение, например, вокруг заводов, административных учреждений, космопортов. Особые резонаторы изменяли частоту излучения гравитационного поля Земли. Любой грав, очутившийся в зоне их действия, тут же камнем падал вниз.

Располагать подобную зону вокруг «Штуки»... Кто знает, может и моя будущая школа – тоже стоит в ряду стратегических объектов? И, может быть, занимает в рейтинге охраняемых объектов не самую последнюю позицию? Мне это, если честно, польстило.

Папа повёл грав вдоль границы карантинной зоны, выискивая место для посадки. Оно вскоре отыскалось тут же, совсем неподалёку от того маршрута, по которому мы летели. Несколько десятков метров в радиусе асфальтированная площадка, со всех сторон утопающая в зелени.

Постоянное воздействие антигравитационных полей вызывает неконтролируемый рост всех растительных форм. Если кто-нибудь лениться ухаживать за тем местом, над кото-

рым часто и низко пролетают гравы, то оно вскоре начинает напоминать пейзаж нашей планеты из какого-нибудь доисторического периода.

Эта площадка была так себе, не особенно ухоженной, но и не особенно запущенной. Папоротники, окружающие его, были, конечно, в добрый десяток раз больше стандартного размера, но полётам это пока не мешало.

Мы приткнулись вровень между двумя ярко раскрашенными гровами. Первый из них какой-то любитель экстремальных сочетаний красок размалевал в жёлтый цвет с серыми проплешинами, на боку его вызывающе выделялась карикатурная металлическая заплата.

Второй же грав оказался ещё более изысканным – голубым, с эмблемой венерианского госпиталя на бампере. Само собой, грав был наш, земной; на Венере подобной техники отродясь не водилось. Просто у кого-то из здешних аборигенов нестандартное чувство юмора.

Есть ребята, которые думают, что если прилепить наклейку широко известной фирмы по производству гравов на старую развалюху – то это очень хорошая шутка. А если эмблему венерианского госпиталя повесить на земной грав – вообще обхохотаться можно.

В дальнем углу площадки стоял ещё один грав, самый обычный, без всяких отличительных признаков, скорее всего, взятый напрокат. Там я увидела первых здешних людей. Русоволосый мальчишка с нездорово бледным лицом

отстранялся от отца, глядя в нашу сторону. Понятно, стеснялся.

Девочка, стоящая рядом, очень похожая на него, но старше, лет тринадцати, удивлённо смотрела на брата. Судя по всему, она не принимала происходящее всерьёз. Мне сразу стало понятно, что она не из наших. Я уже научилась среди прочих детей выделять суперов по жёстким и более оформленным чертам лица. У обычных малышей такого не бывает.

Они все сгрудились вокруг своего грава и почему-то выглядели очень нелепо. Мне не хотелось, чтобы так же нелепо выглядели мы, и я сказала:

– Ну, ладно, пойду я, наверное...

Мама предложила меня проводить. Пришлось мягко объяснить, что мне уже десять лет, и если я, словно первоклашка из самой обычной школы, появлюсь в «Штуке» с родителями, авторитета мне это не прибавит. Папа одобрительно закивал, мама была вынуждена смириться. Она с удовольствием вылизывала бы меня со всех сторон, несмотря на мой возраст и на то, что я всё-таки не совсем простой ребёнок. Для мамы, что супер, что не супер – всё одно.

– Всё в порядке, Настёна? – Спросил папа.

Я кивнула.

– Настенька, ты уж поаккуратнее там, ладно?

Это опять же мама со своей заботой. Даже Санечка по маминому выражению лица поняла, что происходит что-то

нехорошее, и напряжённо смотрела на меня. Я даже немного разозлилась. В самом деле, я ведь не на Марс улетаю. Дома мне, конечно, бывать придётся меньше, но ведь это не повод для похоронного настроения. В последние дни перед моим отъездом родители вообще были как в воду опущенные. Кстати, интересная фраза. Это как? Наверное, взяли человека за шиворот, окунули в озеро, а потом про него, мокрого и несчастного, медленно обтекающего, говорят, что он как в воду опущенный? Забавно.

Я даже улыбнулась своим мыслям, но тут же посерьёзнела. Решила, что если родители увидят моё довольное лицо, то могут и обидеться. Мне они, само собой, ничего не скажут, но когда обижаешься только для себя, то это ещё хуже.

Я прыгнула из грава на нагретый солнцем асфальт, бросила на плечо крохотный рюкзак. В нём уместилось всё имущество, которое сочла для себя обязательным я. Потом с трудом вытащила с заднего сиденья громадный чемодан. Там были вещи, которые сочла обязательными для меня мама. Мы с ней разошлись во мнениях по поводу минимума вещей, необходимых мне в первое время. Я бы с удовольствием взяла пару кофт и персональник, для чего вполне хватило крохотного рюкзака. Это – на самом деле необходимые вещи. Мама же умудрилась отыскать столько всего, что один только список весил чуть ли не больше меня самой. В конце концов, объём багажа ограничился только моей грузоподъёмностью.

Мне никогда ни с кем не приходилось прощаться, я не совсем представляла, как это делается. Чмокнула Сашку в лоб, пожалала руку папе, маме – после некоторого колебания – тоже. Ну и пусть, что слишком по-мужски. Зато со стороны выглядит красиво.

Я обратила внимание, что тот мальчишка, который прощается со своими родственниками, слишком уж странно косятся на меня. Я всерьёз заподозрила, что он не со второго, тем более, не с третьего курса, а, как и я, – абитуриент. Я на всякий случай сделала так, чтобы папа очутился между мамой и мной. Слишком уж странное у мамы стало лицо. Ещё расплечется и неконтролируемо начнёт выражать свои эмоции. Не хватало, чтобы мальчишка потом рассказывал своим друзьям – моим будущим одноклассникам, как я тут со всеми целовалась. Мальчишки – они вредные, от них всего ожидать можно.

Папа присел передо мной на корточки.

– Настёна, ты точно уверена, что всё в порядке?

Я знала, зачем папа это делает. Однажды на его платформе в поисковике я ввела фразу «присесть на корточки». Первым же результатом оказалась книга о воспитании детей, довольно зачитанная, а в найденном абзаце маститый психолог объяснял, что родителям при общении с маленькими детьми лучше делать так, чтобы их глаза находились на одном уровне. Таким образом, ребёнок подсознательно не будет чувствовать себя ниже своего собеседника. Я тогда подумала,

что это какая-то муть, и положила книгу обратно. Но папа, похоже, так не считал. Каждый раз, как он разговаривал со мной, он присаживался на корточки.

Я думала, что обо всё этом будет смешно вспоминать, когда мы вырастем, я – физически, папа – гм... педагогически.

– Да, конечно. Всё хорошо.

Я взяла за ручки чемодан, со вздохом проверила его вес, прикинула, сколько мне нужно будет идти, ещё раз вздохнула.

Нет, всё равно, чтобы там ни было, но родителей мне придётся оставить здесь.

Я сделала несколько шагов в сторону тропинки, уводящей вглубь леса, и обернулась. Все смотрели на меня.

– Да ладно вам, – моё голос предательски дрогнул. – Чего вы все такие? Я вообще хоть каждый вечер к вам приезжать могу, если вы хотите.

– Устанешь ты каждый вечер ездить. – Сказал папа. – Ты хотя бы на выходные, ладно?

Я кивнула. Просительный тон отца, если честно, расстроил меня. Он меня очень редко о чём-нибудь просил, тем более, вот так, почти униженно, поэтому я почувствовала себя не очень уютно.

А потом неожиданно для меня самой мои глаза стремительно начали наполняться слезами, пришлось опустить голову, чтобы этого не было видно. Не хватало ещё под самый конец выдать что-то в этом роде.

– Пока! – Сказала я ещё раз и быстрым шагом пошла по тропинке. Слезы сами собой высохли.

Я не опасалась, что выбрала неправильную дорогу: других тут просто-напросто не было. И слегка удивилась, когда тропинка через несколько минут растворилась в болоте, под ногами подозрительно захлюпало. Пришлось пойти обратно. Когда я очутилась там, откуда начала свой путь, мои родители с Сашкой уже улетели. Мальчик всё ещё о чём-то разговаривал со своими. Стараясь, чтобы он меня не заметил, я обошла площадку по периметру, разыскала ещё одну тропинку, и двинулась по ней.

Теперь я вышла на верный путь. Тропинка вскоре раздвоилась. Стрелка на фанерном щите безапелляционно указывала вправо, прямо на ней чётко было выведено: «МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ. ШКОЛА ЮНЫХ НАВИГАТОРОВ».

Над головой проскользнула тень очередного гравя. Интересно, здесь-то он откуда? Для тех, кто сидит внутри, карантинная зона не является препятствием? Или это «внутренний» транспорт?

Уже в самом начале пути чемодан показался мне очень тяжёлым. Сейчас же он стал вообще неподъёмным. Кроме, как по этой дороге, в школу ребятам из гравя идти некуда (во всяком случае, я на это надеялась); не пройти мимо меня они не смогут. Я решила немного подождать и посмотреть, кто же там прилетел. Может, они и чемодан помогут дота-

щить.

В глубине леса, в нескольких десятках шагов от дороги, я очень кстати заметила деревянный стол с двумя скамейками по обе стороны. Со всех сторон он оказался укрыт кустарником. Если просто идёшь по тропинке, то заметить его довольно сложно.

Смахнув со столешницы разноцветные, словно в детской книжке с картинками, кленовые листья, я устроила там свой багаж, уселась на скамейку и из этого своеобразного укрытия принялась наблюдать за дорогой. Прошло десять минут, двадцать...

Я уже хотела отказаться от своих планов, но тут моё терпение оказалось вознаграждено. На дороге появился высокий мужчина в военной форме. Я совсем не разбираюсь в званиях, но издалека разглядела количество и размер звёздочек на погонах, и они не оставили сомнений в том, что их обладатель — далеко не последний человек в Генеральном штабе.

Вместо того, чтобы попросить о помощи, я банально струсила. Не люблю начальство во всех видах. Точнее, опасаясь связываться с сильными мира сего. Я даже присела на корточки, чтобы меня не заметили. У меня ещё слишком яркими были воспоминания, когда мне пришлось отказываться от той работы, которую мне пытались навязать Навигаторы по науке года три назад.

Несмотря на то, что институт биохимии не имеет никакого отношения к военному ведомству, в кабинете начальника

за единственным столом сидел человек в военной форме.

– Папа, говоришь, не разрешает? А у тебя своей головы нет, что ли?

Он разговаривал грубо. Это было немудрено: навряд ли его кто-нибудь учил общаться с маленькими девочками. Мне это, честно говоря, понравилось. Ненавижу, когда взрослые сюсюкают.

– Вы хотите, чтобы я родителей не слушалась? – Уточнила я. – Уверены?

Военный хмыкнул, потёр чисто выбритый подбородок.

– Интересная постановка вопроса. Скажу «да» – это червато. «Нет» – мяч в мои ворота... Ладно, подойдём к проблеме с другой стороны. У меня достаточно полномочий, чтобы переубедить твоего папу. Ты САМА согласна?

И тут я испугалась. Кто его знает, этого типа, как он папу будет переубеждать. Навряд ли папа будет от этого в восторге. Я быстро затрясла головой.

– Я – тоже не хочу.

– С этого и нужно было начинать. Свободна!

На этом визит к моим неудавшимся работодателям закончился, оставив после себя самые неприятные впечатления.

Именно поэтому я стала бояться начальства, особенно в погонах. Точнее, не бояться, а опасаться. И даже не самого начальства, а того, что они смогут сделать, если вдруг им что-то не понравится.

Рядом с военным шли мальчик и девочка, держащие его

с двух сторон за руки. Мальчик – моего возраста, девочка – года на два младше. Сразу становилось понятно, что они, как и я, только-только приехали в школу. Вряд ли кто-нибудь из старшекурсников согласился бы, чтобы его провожали родители.

Я завистливо вздохнула, разглядев девочку: она была самой настоящей красавицей. Признаюсь без ложной скромности, я тоже далеко не дикобраз, но по сравнению с этой маленькой барышней, которая сейчас невозмутимо топала по дороге, я сама себе показалась самой настоящей дурнушкой. Бывают же на свете такие красивые дети!

Хорошо рассмотреть идущих по тропинке мне мешала густая листва. Да я и не особенно стремилась это сделать.

Когда компашка скрылась из виду, я выбралась из своего укрытия на «главную трассу» и повлачилась дальше.

Дорога замысловато, словно раненый в лапу зверь, петляла между деревьями.

Вскоре среди ветвей начали проглядывать кирпичные постройки.

Чтобы сократить путь, я свернула с дороги и пошла через перелесок. Здания, белевшие сквозь ветви деревьев, куда-то затерялись. Минут пять, наверное, я упорно брела вперёд, потом решила повернуть обратно, оказалась там, где ещё не была, захотела вернуться – и попала в такие трущобы, которые видела только по визору в фильмах про Африку. Под конец, когда я решила, что совсем уже заблудилась,

я совершенно неожиданно вышла на крохотную лужайку. В нескольких сантиметрах от земли, точнее, от травы, висели два грова, стайка ребят чуть постарше меня что-то оживлённо обсуждали, сидя на стволе поваленного дерева. При моём появлении все как один замолчали.

Я подошла ближе.

– Привет! Я в школу правильно иду?

Они переглянулись с таким видом, словно я на пустом месте поинтересовалась методами разведения декоративных кроликов, потом все дружно воззрились на меня.

Не люблю, когда мне приходится находиться в центре всеобщего внимания. Последний раз нечто похожее происходило, насколько я помню, в детском садике, где мне на новогоднем утреннике пришлось исполнять роль главной Снежинки. Мне пришлось петь какую-то глупенькую песенку, в то время, как все на меня смотрели. Это оказались не лучшие мгновения моей жизни.

– Ты откуда такая? – Лениво поинтересовался один из мальчишек.

У меня есть особенность: чем больше я чувствую себя не в своей тарелке, тем сильнее наглею. Точнее, пытаюсь изобразить наглость. В психологии это называется защитный блок.

Так же произошло и сейчас.

– Тебе не всё равно?

– Нет, – хмыкнул тот. – Может, я с тобой познакомиться

хочу.

– Мал ты ещё знакомиться со мной.

– Ты наглая! – В тоне моего собеседника слышалось что-то вроде уважения. – Из новеньких?

– Будто не видно.

– Топай туда!

По его широкому жесту трудно было догадаться, куда именно нужно идти, но я была рада и этому. Я поспешно, чуть быстрее, чем это нужно было, направилась в указанном направлении, ожидая, что за спиной кто-нибудь хмыкнет или захихикает – обычная стадная реакция, на которую не стоило обращать внимания, тем более, обижаться. Но там была полная тишина. Мне даже не нужно было поворачиваться, чтобы понять, что они все смотрят мне вслед.

Эта встреча здорово выбила меня из колеи.

Да ну их всех вместе со всеми ихними тайнами!

Я ускорила шаги.

Лес тянулся и тянулся.

Чем больше проходило времени, тем яснее я сознавала, что я всё-таки заблудилась. На редкость глупая ситуация.

Остановившись, я прислушалась. Вокруг царил полная тишина. В верхушках сосен шумел ветер. Под ногами стрекотали кузнечики.

Через десять минут, совершенно измучившись, я, наконец, добралась до небольшого спортивного городка, какие обычно бывают в любой школе и как правило, стоят забро-

шенные и безлюдные.

Этот спортивный городок тоже пустовал. Но, по крайней мере, тут хоть был не лес, а более-менее обитаемые места.

Я походила по волейбольной площадке, потрогала туго натянутую сетку, потом по лесенке залезла на высокую металлическую конструкцию, с десятиметровой высоты огляделась вокруг, надеясь что-нибудь рассмотреть, но вокруг только шумело бесконечное море листвы. Вдали, среди деревьев снова мелькнул идущий на посадку грав. Начало учебного года, ребята подтягиваются.

Я спустилась вниз по канату. Мне показалось, что он толще, чем нужно. Туго переплетённые жилы нагрелись под солнцем, создавая под рукой ощущение чего-то одушевлённого.

Торопиться некуда. Я взглянула на часы в мобильнике. В моём вызове обозначено время – 18 часов. Значит меня в запасе ещё как минимум половина дня, которым я могла располагать в своё удовольствие.

Школа никуда не денется, похоже, я уже рядом с ней. Пожалуй, сейчас можно даже слегка передохнуть.

Я уселась на бортик маленькой шестиугольной песочницы. По поводу удовольствия – это так, к слову. На самом деле стало тоскливо. Сразу подумалось, насколько всё происходящее сейчас со мной необычно: скитаюсь по парку словно неприкаянная, и никому до меня нет дела. Очень резкий контраст по сравнению с домашней опекой. Дома за мной по-

стоянно присматривали, и папа, и мама, и многочисленные родственники, в школе – учителя, вожатые. А здесь – полная самостоятельность. Можно просидеть в этом лесу день, два, три дня, да что там дни – неделю. И никто не будет искать и указывать, куда можно идти, куда – нельзя. Разве что дома начнут волноваться, почему я на выходные не приезжаю.

Заметив, что сижу в песочнице, я заулыбалась. Неужели в этой школе есть кто-то, кто играет в песочек? Впрочем, подумала я, удивляться тут нечему. Дети в «Штуке» учатся умные, с этим не поспоришь, даже не просто умные, а супер умные. Тем не менее, они всё-таки дети и ничто детское им не чуждо. По себе знаю. До сих пор не поднимается рука выкинуть ни одной куклы, которыми играла в детстве.

После обильного ночного дождя песок оказался очень мокрым. Размышляя, я автоматически лепила куличики. Первый, второй, третий... Когда передо мной выстроился добрый десяток, я перешла к более сложным сооружениям и начала строить замок. Самый настоящий, средневековый, с башенками и узенькими выемками бойниц. Под это занятие лучше думалось.

А подумать было о чём.

Глава 3

Всю последнюю неделю жизни дома я бродила по Сети, пытаюсь отыскать хоть какую-нибудь информацию о моей будущей школе. Тщетно. Создавалось ощущение какого-то вселенского заговора молчания вокруг всех «Штук» вообще и вокруг Школы Навигаторов в частности.

Было, конечно, множество статей, посвящённых суперам, ничего нового из них я не узнала: там описывались только мы сами, наш интеллект, наши умственные сверхспособности, даже наши, зачастую весьма мерзкие, характеры, в общем, много-много всего-всего-всего. Но не было ни слова про то, где и чему нас учат.

Я пришла к выводу, что тема обучения суперов закрыта для всех, кому ещё не исполнилось пятнадцати, и выпросила у папы карточку взрослого доступа в Сеть. Это тоже не принесло никаких результатов.

И тут в одной из сетевых газет я совершенно случайно обнаружила публикацию «На заре новой эпохи», подписанную забавным ником Валькирия. Дело происходило глубоким вечером, я была изрядно утомлена, а статья, как назло, оказалась настолько объёмной, что я некоторое время даже решала, стоит её вообще читать или нет. Начала – и не смогла оторваться. А добравшись до конца, поняла, что всю неделю бродила по Сети зря – эта статья удачно аккумулировала

в себе всю имеющуюся в свободном доступе информацию, а также некоторые закрытые сведения, которые я при всём своём желании вряд ли смогла бы где-нибудь отыскать.

Попробую пересказать прочитанное своими словами.

Дети с повышенным уровнем умственного развития рождались всегда, во всё время существования человеческой цивилизации. Эти случаи были не часты, и они всегда оказывали особенное влияние на ход исторических и культурных процессов.

Пабло Пикассо начал рисовать в полтора года, Моцарт уже в три года выступал с концертами, Акрит Йасуал в семь лет самостоятельно провёл хирургическую операцию, Александр Македонский в 25 лет завоевал полмира – примеров можно привести множество – многие дети-гении оставили заметный след в мировой истории.

Высокая одаренность – это всегда отклонение в строении мозга и в психическом развитии. По данным генетических исследований трёхсотлетней давности, до некоторых пор такой тяжкий дар выпадал примерно одному из тысячи, развивался в нужной мере у одного из миллиона, а действительно гением становился один из десяти миллионов. Цифры весьма условные, но порядок чисел, видимо, достаточно отражал истину.

Стандартная судьба среднестатистических вундеркиндов была незавидна – основной всплеск творческой активности таких детей приходился на ранний и средний подростко-

вый возраст; с течением времени их интеллект сравнивался по уровню с таковым же окружающих людей, а то и падал ниже обычного уровня, словно они за несколько первых лет своей жизни исчерпывали какой-то ресурс, отпущенный природой.

А может быть их просто-напросто не умели воспитывать.

А потом научились. Что ещё оставалось делать: число детей-гениев стало возрастать с поразительной быстротой.

Данные о количестве вундеркиндов, в нашей Сети засекречиваются, но Валькирии удалось вывести приблизительную статистику. Итак:

2550—2555 годы – 19 человек

2555—2560 годы – 16 человек

2560—2565 годы – 17 человек

2565—2570 годы – 11 человек

2570—2575 годы – 360 человек

2575—2580 годы – 450 человек

2480—2485 годы – 620 человек

2485—2490 годы – 780 человек

2490—2495 годы – 910 человек.

Из этой статистики Валькирия делает вывод, что человеческая популяция переживает новый период своего развития – интеллектуальный.

Биологический период эволюции мы пережили на заре своей истории, когда из обезьян произошли люди (хотя некоторые учёные до сих пор ставят этот факт под со-

мнение). Затем можно отметить социальный период – люди учились жить друг с другом, вырабатывали правила и законы совместного сосуществования; этот период закончился в 2147 году, когда завершилась третья – и последняя – мировая война.

С приходом к власти Навигаторов начался этический период эволюции. Люди на уровне безусловных инстинктов уясняли себе, что можно делать, что нельзя, что хорошо, что плохо, как поступать в тех или иных житейских ситуациях.

Сейчас и этот период подошёл к своему логическому концу. Мы живём в очень благополучное время, когда все проблемы человечества решены. Именно поэтому нынешние Навигаторы заостенели в своём развитии. Они научились удерживать в относительном спокойствии наш мир, но не в силах указать, в какую сторону следует двигаться дальше.

Но земная эволюция не остановилась. Мать природа зачастую бывает на редкость изобретательна. Следует немного поразмышлять над новостными сайтами – и становится ясно, что эволюция уже начала очередной виток своего развития – только это мало кто видит, потому что всё происходит не по указу Навигаторов, а само собой – по воле Всевышнего, если оперировать идеалистическими категориями.

За последние несколько десятков лет мир сильно изменился. Интеллект человеческой популяции впервые за всё время обозримой истории возрос на несколько порядков –

и это произошло очень быстро, за считанные года.

Что заставляет задуматься.

Мир меняется, и главная движущая сила этих перемен – суперы – дети с повышенным уровнем интеллектуального развития.

Физическое развитие вундеркиндов нового поколения не отстывает от общепринятых норм, зато умственное развитие достигает критических уровней по всем показателям.

В четыре месяца среднестатистический малыш узнаёт мать, в десять – может выполнять команды взрослых, в год – легко повторяет простые слова. На втором году жизни совершенствуются координация движений и понимание речи, значительно увеличивается словарный запас. В три года ребёнок впервые говорит «я» – то есть у него появляется личность (как психологическая категория). В возрасте шести лет дети приобретают относительную самостоятельность. Именно тогда происходит формирование моральных качеств, элементарных эстетических восприятий, норм общественного поведения. Развивается мышление, сначала конкретно-реалистическое, а в начале школьного возраста и абстрактное. Развитие мышления завершается в пятнадцать биологических лет.

У «вундеркиндов новой волны» всё происходит несколько иначе. Функциональное созревание головного мозга происходит на порядок быстрее.

Уже через месяц жизни ребёнок способен воспринимать

информацию и примитивно классифицировать её. В два-три месяца, при благоприятных условиях (если родители дают возможность находиться рядом с письменными источниками информации), малыш способен читать отдельные слоги и простые слова. Глазами и мозгом – но не голосом. В пять месяцев навык чтения приобретает стабильный характер.

Именно в этот период у него происходит становление личности. Таким образом его характер, навыки и увлечения очень сильно зависят от информации, потребляемой в первые полгода жизни.

К тому времени, как у ребёнка в достаточной степени развивается артикуляционный аппарат и он может связно выражать свои мысли, у него в головёнке накапливается столько всего, что своей неожиданной интеллектуальной гиперактивностью малыш пугает родителей и наставников.

Я даже отыскала два случая, когда дети с повышенным уровнем интеллектуального развития были отправлены в школу для умственно неполноценных, а ещё в одном случае родители от ребёнка отказались, автоматически, кстати заметить, утерев свои родительские права.

Жить в одной семье с вундеркиндом в то беспокойное время становилось на самом деле занятием не для слабонервных. Родитель может выдержать многое, даже многочасовые бдения над постелью своего больного чада, но когда годовалый малыш днями напролёт главу за главой одолевает страницы тома, по размеру едва ли не больше, чем сам чи-

татель, – это, мягко выражаясь, нервирует.

«Мы имеем дело с людьми нового поколения, – в своей статье подводит итог Валькирия. – Антропогенез начался с появления *Homo habilis* – человека умелого. По данным современной науки мы пережили шесть этапов биологической эволюции, венцом которой до некоторых пор был вид *Homo sapiens*. Утверждаю со всей категоричностью, на которую способна: теперь мы стоим на пороге появления нового биологического вида – *Homo superius* – человек высший.»

Именно с лёгкой руки представителей «четвёртой власти» «вундеркиндов новой волны» назвали суперами – название прижилось с лёгкостью, с какой патроны входят в автоматную обойму. (Кстати сказать, с латынью у почтенных журналистов были некоторые проблемы, ибо в названии на обе ноги хромают и грамматика, и орфография; даже с принципом словообразования можно поспорить).

В раннем младенческом возрасте у обычных детей эмоциональность прямо взаимосвязана с умом: чем богаче переживания, тем психически сложнее и богаче человек, и чем эмоциональнее пережито нечто, тем глубже оно остаётся в памяти как жизненный опыт.

Эмоциональных переживаний у супера более чем достаточно: его физическое развитие остаётся на уровне, как у прочих детей (в пять месяцев он едва может самостоятельно повернуться со спинки на животик и, опираясь на ладошки, высоко поднять голову), но умственное развитие

по некоторым параметрам приближается к пяти-шестилетнему возрасту).

Физическое и умственное интеллектуальное развитие резко не совпадают друг с другом, поэтому в первые годы жизни (да и во все последующие, если не лукавить), супергерои испытывают постоянный стресс.

Это накладывает отпечаток на развитие характера – любой супергерой очень сложен в общении, причём даже с близкими родственниками, что уж говорить про наставников и потенциальных педагогов.

Валькирия приносила читателям извинения, что так и не смогла докопаться, кому первому пришла в голову создать школы для супергероев.

Двадцать три года назад, в 2472 году, одновременно на нескольких материках – Евразийском, Северолатинском, Южнолатинском и Австралийском – появились первые учебные заведения для гениальных детей. В первый год их было четыре, потом – пять, уже на третий год – девять.

Правительственные СМИ с первых дней даже существование этих школ пытались засекретить. У акул пера и клавиатуры ничего не получилось: во-первых, количество школ выросло так стремительно, что чисто физически (точнее, географически) этого нельзя было скрыть; во-вторых, вокруг новых школ стремительно выросло такое количество сплетен, слухов и домыслов, что пресечь их не было никакой возможности.

Шестнадцать лет назад тема школ для высокоодарённых детей начала обсуждаться всеми СМИ. Это произошло одновременно – в один день и по всей Сети, – словно кто-то из Навигаторов милостиво махнул мизинцем левой руки, открывая информационную завесу.

Мир припал к экранам визоров. В сумбурных репортажах малыши, которые едва умели ходить, решали многоэтажные уравнения с первообразными и интегралами, наизусть читали целые страницы из «Этических принципов нейроники», с маститыми экономистами всерьёз обсуждали плановые проблемы колонизации планет, перед школьной доской с мелком в руке забирались на такие высоты теоретической математики, что даже самые высокомудрые последователи Евклида начинали путаться в показаниях.

На первый взгляд казалось, что в появившейся лавине информации, стоит только захотеть, можно отыскать ответы абсолютно на все вопросы. Однако, приглядевшись повнимательнее, любой человек понимал, что множество фактов, цифр и мнений, только кажутся значимыми и на самом деле не несут никакой смысловой нагрузки.

Суперы очень умны – об этом все знали; на порядок умнее многих представителей человеческого рода – в этом тоже никто не сомневался; с десяти биологических лет они обучаются в особых школах – тоже, вроде бы, общеизвестный факт... Больше, собственно говоря, из этих репортажей ничего нельзя было узнать. Даже ни одной школы для суперов

ни разу не показали изнутри – только снаружи и то на таком расстоянии, что виднелись только крыши и контуры каких-то одноэтажных строений, похожих на казармы. Жуть какая-то, одним словом.

Само собой, нашлись недовольные, на территории Сети развернувшие целую компанию под девизом «Детей нельзя лишать детства!» В ход пошли все возможные с точки зрения политтехнологической этики приёмы – и законные, и не совсем.

Ответом послужило выступление одного из основоположников современной психологии – некоего Кравцова.

«Если суперов поставить перед необходимостью обучаться в обычных школах, это будет всё равно, что я буду заставлять профессора математики изо дня в день сдавать мне экзамен по таблице умножения, – сказал он, – и такое моё поведение, при любом раскладе, будет воспринято как изощрённое издевательство. У всех суперов есть пунктик... особенность характера – они крайне недовольны, когда их интеллект не воспринимают всерьёз. А наши горе-воспитатели именно это мне и предлагают сделать. „Верните детям детство!“ Человека, который может руководить научно-исследовательским институтом, посадить в колыбельку и в качестве развлечения дать ему мягкую игрушку – что для него может быть оскорбительнее?»

По поводу «руководить НИИ» – это он, конечно, преувеличил, однако эта речь оказалось точкой над *i* в споре о необ-

ходимости существования специальных учебных заведений для суперов.

Тем не менее, по каким-то неведомым причинам, суперы до десяти лет были вынуждены учиться в обычных школах рядом с нормальными детьми. Среднестатистический супер, который вполне мог читать лекции на первых курсах физматов, был вынужден сидеть за одной партой с тем, кто только-только с трудом преодолевал таблицу умножения. Это было, мягко выражаясь, не совсем понятно.

Всё закончилось, так и не начавшись по-настоящему: люди утомились обсуждать тему школ для суперов – новой информации не поступало, а мусолить старые репортажи быстро приелось. Да и к чересчур умным детям как-то очень быстро привыкли.

Привыкли настолько, что восприняли как должное факт, что у первого лица нашей планеты – Сенатора Германа Иванова – родившаяся десять лет назад дочка оказалась супером.

Это – не первый (и, наверное, не последний) супер в среде высокопоставленных лиц. Однако есть нюансы.

Полина Германовна – единственный и горячо любимый ребёнок Германа Геннадьевича, именно в этом году она поступает в «Штуку» (по данным, полученным из надёжных источников, – в Вологодской области, на отделение Навигации). Теперь всё зависит от того, насколько крепко господин Иванов держит в руках бразды правления нашей конфеде-

рацией. Если его власть чисто номинальная, тогда в нынешнем раскладе вряд ли что-нибудь изменится. В случае же, если влияние Сенатора распространяется на систему образования, нас ждут интересные события, связанные и с суперами в общем, и со школами, где они обучаются – в частности.

Валькирия в своей статье не стала экстраполировать события, лишь намекнула, что ждать осталось совсем немного и через месяц-другой всё станет на свои места.

Итак, спустя некоторое время «Штук» вокруг них немного поутих – люди привыкли. Homo sapiens – это вообще существо с поразительной степенью адаптации. А через несколько лет оказалось, что из четырёх Школ незаметно для общественности выросла целая сеть специализированных педагогических учреждений. По разным данным их было от двадцати до тридцати восьми. И в каждой обучалась не одна сотня детей.

Некоторые радикально настроенные к Правительству СМИ время от времени пытались поднять вопрос о том, что число детей-гениев вырастает в геометрической прогрессии и превышает всякие разумные пределы, но эта информация бродила по страницам жёлтой прессы, ни разу не выбравшись на просторы официальных изданий. Рядовым обывателям приходилось довольствоваться непроверенными слухами, которые делали учеников-суперов чуть ли не монстрами в человеческом обликии.

Постепенно школы стали узкоспециализированными.

Где-то в Панаме проходила подготовка солдат, три «Штуки» на Африканском континенте занимались подготовкой специалистов-биологов. Сибирский регион воспитывал космонавтов. В Австралии обучались программисты. В России, под Вологдой, располагалась Школа Навигаторов. Каждый, окончивший эту школу, имел все шансы занять ключевое место в политике любой населённой планеты Федерации.

С лёгкой руки, точнее сказать, с бойкого пера одного из сетевых журналистов учебные заведения для суперменов стали называть «Штуками». Это было перевернутая аббревиатура официального названия «Школа юных талантов» – ШЮТ. (Сначала были юмористы, что эту аббревиатуру перевернули в «Шутки», но это как-то не прижилось)...

Вообще, если историю педагогики нашей планеты за два десятка последних лет рассмотреть чуть более дотошно, чем это делается в ВУЗовских учебниках, возникает громадное количество вопросов.

«Лично я, – пишет в конце статьи Валькирия, – после долгих изысканий в Сети, так и не смогла понять, каким образом за такой короткий отрезок времени смогли отыскать множество преподавателей, согласившихся работать с суперменами, и почему об этих героях от педагогики не известно вообще ничего – ни в одной базе данных не имеется ни одного байта информации – будто этих людей не было, нет и никогда не существовало. Но ведь кто-то должен обучать суперменов? Невольно поверишь самым невероятным слухам, например,

что готовится инопланетное вторжение и в качестве преподавателей у суперов в поте лица (или что там у них) работают инопланетяне...»

Думаю, Валькирия шутила, вряд ли подобные вещи можно говорить всерьёз. Однако, в чём-то она права. Если суперы, в семи-восемилетнем возрасте зачастую преподают в ВУЗах, то какой же квалификации должны быть их собственные преподаватели?

Итак, в десять биологических лет в жизни каждого супера наступает новый период – он поступает в «Штуку» – и его дальнейшее существование погружается в тьму неведения. Даже невозможно предположить, чем суперы занимаются в школе, если они и так умнее своих взрослых преподавателей; кто их учит; чему; а – главное – по какой причине суперы с дипломом об окончании Школы Юных Талантов не горят желанием рассказывать о своём обучении.

На этой, совсем не оптимистической, ноте Валькирия заканчивала свою статью.

Вдоволь побродив по Графонету и нахватавшись всякой побочной информации, так или иначе касающейся обучения в «Штуках», я поняла, что так называемый экзамен, по поводу которого я так сильно переживала – фикция. Я даже всерьёз заподозрила, что, даже если бы не ответила ни на один вопрос, меня бы всё равно приняли. Не было ещё ни одного случая, чтобы супер учился в обычной школе. Кстати, неужели из «Штук» никого никогда не выгоняли?

Хотя, фикция, похоже, – не совсем правильное слово. Вполне возможно, информация о начальном уровне ученика уже сидит в памяти какой-нибудь здешней машины. Ведь за чем-то нужна была проверка знаний? Нашим будущим учителям?

Интересно будет поднять здешние школьные архивы и подробнее узнать про «Штуки». Сколько их, какие ребята там учатся, историю существования этих школ вообще. Если же и здесь информации не будет, то её нет вообще. А такого в принципе быть не может.

– Привет!

Сейчас, сидя в песочнице и сооружая стену башни, я вспоминала свою прошлую жизнь с улыбкой. Подумать только, те ребята, которые со мной учились, сейчас пошли в четвёртый класс и проходят – подумать только! – разбор предложений по частям речи.

– Здравствуй!

Супера можно вычислить в первый месяц его жизни. Но законодательно к ним относятся так же, как ко всем остальным детям. А с семи до десяти лет нам даже учиться приходится в стандартной школе с обычными и – извиняюсь – очень глупенькими детьми. Интересно – зачем? Чтобы мы поняли, какие мы другие? Или это ОНИ сизмальства должны понять, что с точки зрения интеллекта, суперы стоят на ступень выше их самих? Интересная проблема.

Наконец в сознание проник чей-то голос:

– Это ты всё построила? А можно я с тобой?

Глава 4

Я, углубившись в собственные мысли, не сразу расслышала вопрос, а потом подскочила, словно ужаленная. Прямо передо мной стоял мальчик, может быть чуть старше меня самой, и с интересом разглядывал песчаные постройки. Под глазом у него красовался живописный синяк.

– М-можно, – пролепетала я, тоскливо вглядываясь в лицо пришедшего, пытаюсь понять, не издевается ли он. Это был первый здешний супер, кто решил пообщаться со мной.

Сразу возникает вопрос – зачем?

Я не исключала, что всё это вполне может закончиться тем, что из кустов выскочит стайка мальчишек, которые осмеют и меня, и моё не в меру детское занятие.

Не доверяла я таким вот предложениям дружбы. Конечно, понимаю, что там, где я собираюсь учиться, ребята не в пример умнее, чем в обычных учебных учреждениях. Однако, по моему глубокому убеждению, мальчишки, какими бы умными они не были, остаются мальчишками.

И этот парень собирается сидеть в одной песочнице со мной? Ни за что не поверю!

Мальчик, похоже, не шутил.

– Я ещё один замок построю! – Решил он, продолжая разглядывать мои постройки. – А потом между ними можно будет перебросить мостик. – И вопросительно посмотрел

на меня, словно в моих силах было ему запретить.

Я невольно поморщилась.

«Замок... мостик... Ерунда какая-то в голову лезет... Говорил мне папа, не читай Фрейда!»

Несколько минут мы молча занимались своими делами. Причём я потеряла всякий интерес к тому, что происходит на моём объекте, теперь меня мучил только один вопрос: как с наименьшими потерями выкрутиться из сложившейся ситуации? Ведь если этот парень хоть одному человеку в этой «Штуке» скажет, за каким занятием меня застал, единственное, что мне останется – это уйти в другую школу. Причём я совсем не преувеличиваю. Вряд ли «Штуках» порядки мягче, чем в обычных школах, у меня есть основания подозревать, что совсем нет – гораздо жёстче.

– Тебя как зовут? – Спросил мальчик. Я покосилась на него. Он был в длинных, до колен, шортах и лёгкой джинсовой куртке.

– Настёна. В смысле, Настя.

– Здорово!

– Чего здорового-то? – Не совсем дружелюбно буркнула я, не совсем уверенная в лояльности собеседника.

– Имя красивое. И даже очень.

Я почувствовала, что начинаю краснеть, поэтому склонилась над своим замком, чтобы это не было так сильно заметно.

– А тебя как?

– Никита.

– У тебя имечко тоже ничего, – сочла нужным сказать я.

– И на том спасибо.

Никита, высунув от усердия кончик языка, принялся с помощью указательного пальца в цилиндре самой большой башни проделывать окошечки. Он выглядел обычным мальчишкой и даже на супера не очень походил. Каждый раз, пытаясь его рассмотреть, я задерживалась взглядом на его синяке под правым глазом. Его, судя по всему, поставили совсем недавно: краснота только-только начинала переходить в синеву.

– Ты с какого курса, Никит?

– С первого.

– То есть, уже со второго? – Пришлось уточнить мне.

Не походил он на первоклашку, хоть тресни!

– Нет, с первого.

– Так ты только недавно сюда приехал?

– Ага. А ты что думала?

– Я думала, тебе лет одиннадцать- двенадцать.

– Десять, – улыбнулся мальчик. – Но за комплимент – спасибо.

– Пожалуйста. А почему ты без всего?

– Вещи в главном корпусе оставил и пошёл гулять. Что ещё делать?

Предположение, что Никите столько же, сколько и мне, может быть, мы даже учиться будем в одном классе, сразу

настроил меня на дружелюбный лад. Теперь, казалось, даже мельчайшие преграды между нами были устранены. Наш диалог стал постепенно налаживаться.

– Ты издалека, наверное? – Спросил мой собеседник.

– С чего ты взял?

– Мне так показалось.

– Из Питера.

– Надо же! Я тоже! – Воскликнул мальчик. – А где ты там жила?

– Почему – «жила»? Я до сих пор там живу. На Васильевском.

– А я на Петроградке.

– Странно, что мы до этого ни разу не встретились.

– Ничего странного, – рассудительно ответил мальчик. – Питер большой.

Я кивнула, соглашаясь. Да, мол, большой. Третий по величине на планете после Пекина и Москвы – куда уж больше.

– Ты уже устроился?

– Сказали к шести подойти к административному корпусу, а сейчас ещё трёх нет.

Я мельком взглянула на браслет мобильника.

– Как там вообще в «Штуке», нормально, жить можно?

Никита остолбенел. В прямом смысле этого слова. Медленно поднялся и остался стоять, не сводя с меня изумлённого взгляда.

– Так ты тоже только поступила?

– Да.

– А где твои сумки?

– Там, в кустах, – кивнула я.

Последовала немая сцена. Мы молча смотрели друг на друга, и чем больше проходило времени, тем более неприятной становилась пауза. До меня уже стало кое-что доходить.

– А чего ты тогда тут делаешь? – Через минуту обрёл дар речи мой собеседник.

Что мне было отвечать? В песочнице играю?

Я молча поднялась. С удовольствием бы ударила ногой по замку (так и подмывало это сделать), но стало жалко, слишком уж красивым было сооружение.

Никита побагровел и отвернулся. Он оказался не таким любителем эстетики, как я: его замок разлетелся под ударом кеды.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что произошло. Мой новый знакомый увидел меня без вещей и подумал, что я старшекурсница. В целях подлизаться к нужному человечку, он начал играть со мной. Теперь он очутился в таком же положении, что и я минуту назад. Если я только намекну кому-нибудь, что он тут копался в песочнице – ребята его заживо съедят.

– Сделаем вид, что всего этого не было, хорошо? – Запинаясь, предложила я.

Это был не самый лучший выход, но больше мне ничего

не пришло в голову.

– Хорошо, – едва слышно процедил Никита, глядя в сторону.

Он сделал несколько шагов прочь, но видя, как я копаюсь с чемоданом, заколебался и подошёл ко мне.

– Помочь?

– Помоги.

Мальчик легко подхватил мою сумку, чуть поморщившись от неожиданной тяжести – чемодан, и легко пошёл по дорожке. Я безропотно последовала за ним.

Мы долго молчали.

– У тебя тут чего – кирпичи? – Наконец, спросил он.

– А если я скажу, что да, от этого что-нибудь изменится? Скажешь, чтобы я сама несла? – Вопросом на вопрос ответила я, потом призналась. – Даже не представляю – мамка собирала. Мне самой интересно, что можно напихать в такой громадный чемодан.

– Навряд ли что-нибудь полезное. – Предположил Никита. – Хорошего не может быть так много. Может всю эту радость в пруд зашвырнуть?

Мы как раз проходили возле небольшого водоёма.

– Только попробуй, – я постаралась придать своему голосу угрожающие нотки. – Следующим – сам полетишь.

– Шутка! – Поспешно отозвался мой новый знакомый. Так поспешно, что я сразу поняла – он меня боится.

И не столько меня, сколько того, что я могу о нём расска-

зять.

Может быть, кому-нибудь и нравится, когда люди его бо-
ятся, но я этого не переносу.

– Не соблаговолишь сообщить, куда мы направляем наши
стопы?

Никита чуть не выронил сумку от такого высокопарного
стиля.

– В главный корпус пойдём.

– Насколько он главный? Главнее всех остальных?

– Я откуда знаю! Называется главным.

– Так и написано? Мелом на стене? Не хочу, конечно, оби-
жать тебя, Никита, но я бы не стала доверять надписям, ко-
торые написаны мелом. Тем более, на стене.

– Там табличка висит.

– Это другое дело. Табличка – это признак надёжности
и благосостояния. А не помнишь, из чего была табличка?

– В каком смысле?

– Из бумаги, из фанеры, из чего-нибудь ещё?

– Из бронзы.

– Бронза – это здорово. А как ты узнал, что именно
из бронзы? Понимаешь, Никита, есть такие люди, которые
любят делать далеко идущие выводы. Из обыкновенного
предположения, допустим, посредством строгой логики они
извлекают вывод, из него – второй, из второго – третий,
из третьего – четвёртый, и так далее. Они идут всё дальше
и дальше, всё больше убеждаются в своей правоте, но забы-

вают, что то, с чего они начали – это всего-навсего предположение, которое не суть, что правильно. Они бывают очень удивлены, когда понимают, что почему-то все их безукоризненные выводы и предпосылки привели к неверному итогу...

Я чувствовала, что несу полную ерунду, и у меня были все основания полагать, что с каждым словом в глазах Никиты я выгляжу всё глупее и глупее. Но что было делать? Надо же было мне хоть как-то его заболтать. Я сразу поняла, что чем витиеватее я буду говорить, тем больше вероятность, что происшедшее несколько минут назад он постепенно забудет.

Моя уловка сработала. Если бы я выражалась односложно, тем более молчала, Никита продолжал про себя мусолить историю в песочнице и переживал бы. Теперь же у него голова занята совсем другим.

Единственное «но»: тема про основы формальной логики оказалась не настолько захватывающей, насколько мне этого хотелось бы. Пришлось срочно менять направление диалога.

– Ты давно приехал в это благословенное учреждение?

– В семь утра.

– А почему не в пять? Было бы гораздо смешнее.

Никита сделал очень длинную паузу; я подумала, что он принял мои слова за неудачную шутку.

– В темноте грав не люблю водить.

– Ты разве сам его водишь?

– Да. Папка меня уже давно научил.

– И без автопилота?

– Автопилоты – выдумка для недоразвитых.

– Так ты сюда без родителей добрался?

– Ну да.

– На граве?

– На чём же ещё. Не на подводной же лодке!

– И права у тебя есть? – Недоверчиво продолжала допытываться я.

– Права с пятнадцати выдают. Для суперов никто отдельных законов не издавал.

– А как же ты без прав?

– Кто тут смотрит на эти права? – Отмахнулся он. – В Питере – да – на каждом углу патрульные. Там бы я и сотни метров не пролетел. А уже в десяти километрах от города – вообще ни одного.

– И ты такое расстояние один пролетел? – Всё ещё не верила я. – С самого Питера и досюда?!

– Какое ещё «такое»? Если бы я из Сибири летел – это да, честь мне и хвала. А тут всего две области, этим и хвастаться стыдно.

И что мне нужно было на это ответить? Я прожила уже десять лет и за всё это время и двух метров не пролетела на граве самостоятельно, а Никита просто так утверждает... Мальчишка ведь запросто мог совершить вынужденную посадку где-нибудь на границе между Вологодской и Питерской областью – тогда бы пришлось ждать Патрульных. Лад-

но, может быть, у него не очень умный папа, но мама-то куда смотрит? Или им вместе сын настолько безразличен?

Я снова решила сменить тему разговора. Если нам придётся учиться вместе, у меня ещё будет возможность узнать, что происходит у него в семье. Просто так, из чистого девчончьего любопытства. А если он окажется в соседнем классе или будет водиться с другой компанией, то это ещё лучше: не придётся загружать голову лишними проблемами.

– И как тебе тут?

– Я пока ещё ничего не знаю, – признался мальчик. – Я сначала по территории гулял. Как-то там всё странно.

– Что именно? – Не поняла я.

– Вообще – всё. Людей почти нет, хоть через день уже учёба начинается. А те, что есть, – так лучше бы их не было. Кому не задай вопрос – или молчат или цедят сквозь зубы, так, что больше и подходить не хочется.

– Это точно, – согласилась я. – Мне тоже довелось на одну компанию набрести. Они себя вели так, словно я им помещала труп закапывать.

– Я этому несколько не удивляюсь. Даже мне жутковато в школе одному стало. Вот я пошёл найти кого-нибудь из нормальных людей, кто ещё на территорию не зашёл.

– Ты имеешь в виду, там все ТАКИЕ? – Я выделила голосом последнее слово.

– По крайней мере, ты первая из нормальных, кого я встретил. На стоянке, правда, с родителями пацан какой-то

целый час торчит, но я к нему подходить не стал, какой-то он болезненный. И в главном корпусе ребята с нашего курса сидят, ждут шести часов, но там шумно и все с сумками, кто ест, кто спит, – короче, бардак полный. Я тоже туда не ходок. Так что можно сказать, что я никого не знаю. Ты первая. Кстати, а где твои родители?

– Угадай.

– Ты сирота? – Брякнул он.

– Дурак ты! Я самостоятельная. А родители меня проводили и уже уехали. Что я, сама не доберусь куда нужно?

Никита с таким уважением посмотрел на меня, что я сразу поняла, насколько всё-таки хорошей была идея оставить родственников на стоянке.

Через несколько минут мы добрались до больших деревянных ворот с затейливой резьбой по периметру. «ШКОЛА ЮН» было написано на левой створке. «НЫХ ТАЛАНТОВ» заканчивалось на другой. И внизу, буквами чуть поменьше, надписано: «Отделение Навигаторов»

Большой жёлто-зелёный плакат на перетяжках над воротами гласил: «Добро пожаловать!»

Мы подошли к воротам. На будочке около входа белела новенькая надпись: «Лицам старше шестнадцати лет вход строго запрещён». Я помедлила, остановившись у черты. Мне казалось, что стоит только сделать шаг – и всё тут же будет по-другому.

Мальчик, аккуратно подстриженный, в ослепительно бе-

лой рубашке и тёмном костюме вышел из будки, весело посмотрел на нас.

– Чего не заходите? Боитесь?

Я тут же сделала несколько шагов вперёд и остановилась. Не хватало ещё, чтобы меня считали за трусиху.

Появился второй мальчишка, одетый так же элегантно, как первый.

– Удостоверение! – Потребовал он.

Я долго рылась в карманах, прежде чем нашла документ. Мальчик долго сверял моё лицо с распечаткой в удостоверении, затем что-то проверил в базах данных на своём персональнике.

– Туда! – Наконец, кивнул он, весьма широким жестом указывая в глубину территории.

– Куда именно?

– Найдёшь, не маленькая. – И посмотрел на Никиту. – А ты чего туда-сюда шляешься? Stultus!

– Absibi disce omnes! – Не задумываясь, ответил ему мой новый знакомый.

Мальчишка хотел ответить, но потом махнул рукой и ушёл в свою дежурку.

Я не могла не восхититься:

– Ты даже ругаться по латыни умеешь?

Никита смутился.

– Обычный бытовой грубиян. Надо было на место поставить. А ещё супер.

– А о чём вы говорили?

– Ты что, разве латыни не знаешь? – Вытянулось лицо моего собеседника.

Я смутилась.

– Я в языках не очень. Так, кое-что поняла, но не совсем...

– Он сказал, что я дурак, а я ответил, что по себе не нужно судить о других.

– Здорово! Молодец. Это он тебя проверял, «супер» ты или нет. Он уже десять раз меня проверил! Если бы кому-нибудь из обычных детей нужно было сюда пробраться, он бы латынь выучил по любому.

– В десять лет? Не-е, Никита, ты слишком высокого мнения о современных малышах. Если бы он МЕНЯ о чём-нибудь спросил, максимум, что я смогла бы сказать, это «Dura lex, sed lex» или что-нибудь в этом роде.

– Тоже неплохо.

Пройдя вахту. Никита обернулся, с ненавистью посмотрел в сторону каморки дежурных.

– Вырядились! Уроды!

– Чего это ты так на них?

– Неважно...

Мы пошли по широкой асфальтовой дорожке. С обеих сторон стояли небольшие скульптуры. Никита увидел, что я их рассматриваю.

– Навигаторы позапрошлого века, – пояснил он.

– А-а...

Я бы с удовольствием взяла его за руку, слишком непривычно было всё вокруг, но признаться кому-то в своей слабости – тоже удовольствие ещё то.

Долговязая девочка в потёртых, обрезанных чуть выше колен джинсах вскапывала клумбу, часто вытирая тыльной стороной ладони мокрый лоб.

– Поздоровайся с ней, – предложил Никита.

– Зачем?

– Увидишь.

Мне не хотелось далеко уходить от своего спутника, тем не менее, оставив сумки около него, я подошла к девочке. Та бросила на меня быстрый взгляд и невозмутимо продолжила свою работу.

– Здравствуйте.

– Привет, – буркнула девочка и отвернулась.

– Вы не подскажете, где тут первый курс собирается?

Девочка даже не обернулась.

– Не подскажу.

Мне сразу расхотелось с ней разговаривать.

– Теперь ты поняла? – Спросил Никита, когда я возвратилась к нему. – Сборище грубиянов. Мы скоро тоже станем такими.

– Ещё чего! – Я была твёрдо уверена, что кто-кто, но я в любом случае останусь самой собой. – И ещё, кто тебе сказал, что они грубияны? Они просто не хотят ни с кем общаться.

– Не вижу большого отличия.

– Может быть, тут принято ставить новичков на место.

– Зачем? Мы и так только поступили сюда, находимся на самой нижней ступени. Зачем это лишний раз показывать?

– На следующий год, когда сами будем так делать, тогда и узнаем.

– Дурак ты!

– Не обзывайся.

– Прости.

– Ладно.

Вообще-то я вежливая, но тут не смогла сдержаться. Мне и так было не по себе, а тут ещё Никита со своими страшилками.

Глава 5

Первое впечатление о школе у меня сложилось самое положительное. Я всегда любила лес и тишину гораздо больше, чем цивилизацию с её урбанистическими пейзажами. Именно поэтому мне понравилось, что вся территория школы напоминала большой парк.

Можно идти по тропинке пять, десять минут и вокруг не будет ничего, только лес. Потом появляется лужайка с длинным кирпичным зданием, вокруг – плохонькие неухоженные клумбы, какие-то непонятные плакаты, несколько потёртых скамеек – и полная тишина, ни одного человека. Даже если несколько раз обойти вокруг здания, вглядываясь в окна, ничего не изменится. Кажется, что в нём много лет никто не живёт.

Можно пойти дальше – и метров через сто встретится точно такое же здание – ещё более безлюдное, ещё более пустынное, хотя, дальше, вроде бы уже некуда. Тем не менее, следы жизни всё-таки присутствуют: в урнах полным-полно обёрток от каких-то полуфабрикатов, пыль с крохотного пятачка перед входом небрежна подметена.

Мы обошли несколько таких зданий с номерами от четырнадцати до девятнадцати. В конце концов я попросила Никиту вернуться обратно, в более обитаемые места.

– Тоже страшно стало?

Я молча кивнула. Первые положительные впечатления о школе постепенно заменялись новыми, в которых позитива было не так много.

Только когда мы очутились на главной аллее, я внутренне немного расслабилась.

Мальчик шёл рядом, нахмурившись и избегая смотреть в мою сторону. Тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что после того эпизода в песочнице он только ищет случая уйти от меня куда-нибудь подальше и в одиночестве зализать раны, нанесённые его уязвлённому самолюбию. К этому времени я уже придумала, как можно поступить.

– Никита, – я попробовала притвориться смущённой. – Ты... знаешь что... Никому не говори, что я в песочнице играла, ладно? А то девчонки, если узнают, засмеют. Ладно?

Мальчик испытующе посмотрел на меня, потом улыбнулся.

– Ладно. Мы вдвоём хороши были. – И после некоторого колебания, добавил. – Зато у меня замок лучше получился. Больше.

– Больше – это не значит лучше, – нашлась я. – Зато у меня красивее.

– Мужчины всегда практики, а женщины – эстеты.

– Юношеский максимализм.

– Почему это – юношеский? – Обиделся мальчик.

– Если бы ты был повзрослее, – спокойно заметила я, – то

в своих предложениях не оперировал бы категориями «всегда» и «никогда».

Наступила пауза, после которой мы расхохотались. Инцидент оказался исчерпан, заодно мы как бы ненароком проверили интеллект друг друга. Никитин меня – вполне устраивал. Мой – Никиту – не знаю. Надеюсь, я ничего особенно глупого не успела сказать. Напряжённость, возникшая в наших отношениях, так же быстро исчезла, как и появилась.

– Пойдём в административный корпус, – сказал Никита.

– У меня на вызове написано, что там нужно быть только к шести.

– Карточку получишь. Да и ребята все там ждут, лучше уж с ними.

– Что за карточка?

Сумки были тяжёлыми. Мальчик очень устал и старался этого не показывать. Он обрадовался, что появилась причина остановиться и перевести дух.

– Вот! – Вытащил он из нагрудного кармана толстенный пластиковый прямоугольник.

Я повертела карточку в руках. Карточка как карточка, ничего особенного, с одной стороны – большая бледно-зелёная цифра «двести пятьдесят», с другой – три аккуратно заполненные строчки.

– Крикливый Никита Максимович. Ты, что ли?

– Я, – буркнул Никита и поспешно сунул карточку в карман.

Фамилии он своей стесняется, что ли?

– Какая-то она тяжёлая, эта карточка.

– Там электроники всякой понапихано – нам и не снилось, – ответил мальчик. – Говорят, что если такую карточку потерять – то из «Штуки» сразу вылетишь, даже мяукнуть не успеешь.

– Думаешь, всё так серьёзно?

– Откуда я знаю. Пробовать как-то, знаешь, не очень хочется.

– А что это за цифра – «двести пятьдесят»?

– Какие-то очки, – в голосе Никиты ясно начало читаться сомнение. Я сразу поняла, что мы добрались до тех вопросов, о которых ему известно не больше моего.

– Тебе разве ничего не объяснили, когда карточку выдавали?

– Там такая зараза сидит... Впрочем, сама увидишь.

– Давай ты сумку за одну ручку понесёшь, а я за другую.

Моё предложение было воспринято в штыки.

– Ещё чего! Надорваться хочешь? – Он опять схватился за сумку.

– А ты сам не боишься надорваться? – Поинтересовалась я.

Никита ответил с некоторой досадой, словно ему пришлось объяснять самые очевидные вещи.

– У мужиков всё совсем по-другому устроено. Мы можем зачахнуть, если, наоборот, что-нибудь тяжёлое день-два

не потаскаем.

Чтобы скрыть усмешку, я сделала вид, что заинтересовалась дальним пейзажем. За все десять лет жизни рядом со мной, мой собственный папа, например, говоря о себе, никогда не оперировал такими категориями, хотя и не давал повода усомниться в противоположном.

Я решила, что Никита – довольно забавный мальчишка. Вдобавок ко всему – супер, это лишний плюс.

Сколько раз такое бывало: познакомишься с кем-нибудь, всё вроде бы идёт нормально, хихикаем, шепчемся, копаемся в своих игрушечных принадлежностях, а потом вдруг мой новый знакомый или знакомая случайно узнаёт, что я супер – и с этого момента в наших отношениях наступает резкий перелом. Неважно, сколько ребёнку лет – пять, шесть, семь, пятнадцать – в глазах его ясно читается одно-единственное чувство – страх. Создаётся впечатление, что обычные люди впитывают боязнь к суперам с материнским молоком, начинают нас опасаться задолго до того, как могут связно объяснить причину своих страхов. Что это – обычное людское неприятие любой инаковости?

Я оглянулась на мальчика, который шёл чуть сзади. Молодец, уже весь вспотел, а сумку волочёт, даже пытается улыбаться, словно всё происходящее его только развлекает – не больше.

Он – супер, значит у меня есть много шансов подружиться с ним на длительное время. Это же просто прекрасно!

Я тут же одёрнула себя. Тут, вокруг, суперами будут ВСЕ, и мне нужно как-то привыкать к этой мысли.

Административный корпус оказался громадным зданием из тёмного мрамора. Таких основательных построек за чертой больших городов я ещё не видела. Широкие окна смотрели на мир могильными провалами стёкол, солнечные лучи, отражаясь на стенах, слепили глаза.

За металлической дверью нас встретил мальчишка в таком же строгом костюме, что на КПП.

«Если обязанность встречать первоклашек и нравилась ему ещё утром, теперь она уже успела изрядно надоесть», – подумалось мне.

– По коридору и направо – там получите карточку, – буркнул он, задержал взгляд на моём спутнике, подозрительно прищурился. – Ты ведь там уже был, разве нет?

– Я её провожу, – кивнул Никита в мою сторону.

– Не положено.

– Кем – не положено? – Набычился мой спутник. – Тобой, что ли?

Тогда я впервые увидела позу, которую впоследствии мне приходилось наблюдать не раз и не два: мальчик опустил голову и, недвусмысленно сжав кулаки, сделал шаг в сторону своего собеседника. Вид у него при этом был не очень дружелюбный.

Тут любой на всякий случай отступит, и только после этого начнёт выяснять, кто прав, кто виноват.

Дежурный так и сделал, он шагнул назад, но выяснять ничего не стал, и сразу потерял все свои позиции, и моральные, и стратегические. Теперь ему только и оставалось что скривиться, глядя, как мы проходим мимо.

– Скажи спасибо, что твоя карточка ещё не активирована, – выдавил он, наконец, нам в спину. – Если сегодня после собрания увижу – кранты тебе устрою.

– И я тебе, – пообещал Никита, не останавливаясь, – без всякой активации. Ты только скажи, когда можно начинать, ладно?

Я даже пошла вдоль стены, чтобы быть понезаметнее, мне казалось, что вот-вот вспыхнет драка.

Когда мы прошли несколько метров по тёмному узенькому коридору, я немного пришла в себя.

– Зачем ты так на него?

– Деловые больно, – буркнул мой спутник. (Это была его обычная манера общения). – «Положено – не положено...» Два года проучились – и думают, что им уже всё можно.

– То-то я смотрю, у тебя синяк, – не смогла я сдержаться. – Пускай не лезут, да?

Он остановился.

– Настя! – Начал он проникновенно. – Я тащу твои сумки. Я показываю, куда идти и что делать. Я даже отвечаю на твои вопросы, хотя сам ничего не знаю. Что мне ещё нужно делать, чтобы ты ко мне не привязывалась по всяким пустякам?

Я почувствовала, что стремительно краснею.

– Извини. Ляпнула, не подумав.

– В следующий раз думай.

Мы пошли дальше.

Нельзя сказать, что Никита вёл себя как воспитанный и культурный мальчик, но рядом с ним я почувствовала себя надёжно защищённой – в ту минуту ничего большего мне и не было нужно.

Просторные светлые интерьеры административного здания ничем не отличались от обычных планировок любого городского учреждения.

Мы подошли к кабинету, на котором висела медная табличка «ЗАВЕДУЮЩАЯ УЧЕБНОЙ ЧАСТЬЮ»

Никита стукнул в дверь.

– Да? – Раздался изнутри женский голос.

Его обладательница восседала посреди просторного светлого кабинета на фоне выцветших от солнца бледно-розовых штор, окна были заставлены разнокалиберными горшочками с геранью. Она была похожа на престарелую учительницу: лицо с правильными чертами, очки в роговой оправе с толстыми плюсовыми линзами, сильно увеличивающие глаза, деловой костюм.

– Фамилия? – Подняла она голову от каких-то записей, причём окинула меня таким коротким взглядом, что за ту долю секунды, что она на меня смотрела, можно было определить только пол – не больше.

– Бахмунова Настя.

– Двойная?

– Что – двойная? – Не поняла я.

– Фамилия – двойная?! – Вдруг разозлилась женщина.

– Од-динарная. Бахмунова.

– Так и говори, что Бахмунова! – Злобно отозвалась она. –

Спрашиваю о фамилии, а они, все как один, начинают свою биографию рассказывать! – Фурия что-то коротко записала в толстый журнал. – Год рождения?

– Восемьдесят четвёртый.

Женщина поглядела на меня поверх очков.

– До нашей эры или после?

– До... То есть, после..., – пролепетала я, снова не совсем понимая смысл вопроса.

– Говоря иначе, уважаемая Бахмунова, вам на данный момент больше двух с половиной тысяч лет?

– Две тысячи пятьсот восемьдесят четвёртый... г-год рождения, в смысле...

Больше она на меня не кричала. Наверное, оценила цвет моего лица и поняла, что ещё немного – и я чего доброго грохнусь в обморок.

Минут через пять всё закончилось.

Я едва помню, как выбралась из кабинета, сжимая в руках злополучную карточку.

– Наорала? – Сочувственно спросил Никита.

Я молча кивнула.

– Ты не волнуйся, она на всех так орёт. Сначала я думал, что ей только мальчики не по вкусу, теперь оказывается – все.

– Мне не нравится в этой школе, – сказала я. – Ещё ни одного нормального человека здесь не встретила.

– А меня?

Я вспомнила, как мы вдвоём копались в песочнице и мне стало смешно. Как, интересно, можно назвать десятилетнего супера, занимающимся таким делом? Не «нормальным» – это точно. Да и обычный ребёнок такого возраста в песочнице выглядит несколько странновато.

– Ты из-за этой кобры расстроилась? – Продолжал успокаивать меня Никита. – Она не стоит того, чтобы из-за неё увольняться отсюда. Представляешь, как глупо будет, если вся твоя жизнь окажется поломанной из-за того, что, когда тебе было десять лет, ты в учебной части встретила кобру в юбке?

Я была вынуждена согласиться. Да, верно:, именно сейчас уезжать домой по меньшей мере глупо. Но вот если и учителя будут такими же, не обязательно все, хотя бы два-три, можно будет даже не распаковывать чемоданов. Лучше уж учиться в общей школе и быть лучшей среди обычных детей, чем терпеть постоянные унижения в среде равных. По крайней мере, лично я так считала.

– Ладно, пойдём к ребятам, – сказал Никита. – Там повеселее будет.

И мы пошли.

Глава 6

ТАМ действительно оказалось повеселей. Довольно большая аудитория была украшена какими-то немыслимыми ёлочными украшениями, блестящими картонными фигурками, разноцветными флажками, массивными гирляндами, переливающимися под светом ярких ламп.

Посреди всего этого мишурного великолепия расположилась кучка детей. Суперы, человек тридцать, впервые, наверное, оставшиеся без родителей, жались к стенкам, растерянно улыбались друг другу, иногда, чтобы побороть смущение, шёпотом заговаривали со своими соседями, но болтовня быстро замолкала.

На меня почти никто не обратил внимания, чему я была очень рада.

Устроившись неподалёку от сооружения, напоминающего институтскую кафедру, я с интересом принялась разглядывать моих будущих одноклассников. Никогда не видела столько суперов в одном месте. Мне даже показалось, что я узнала нескольких девочек, с которыми уже однажды где-то встречалась, но подойти к ним не решилась. Напуганные, как и все остальные, они вряд ли могли бы оказать психологическую поддержку.

Никита помялся рядом с полминуты и ушёл, едва кивнув напоследок. Я даже слегка обиделась. Что он, стеснялся зна-

комства со мной, что ли?

И тут я увидела того, кого совсем не ожидала встретить. По крайней мере, тут, в «Штуке» в толпе абитуриентов. Я даже слегка расширила глаза, видя, как очень загорелая девочка в коротких шортах и вызывающе яркой футболке, довольно высокая для своих неполных десяти лет, стоит около входной двери, и о чём-то весьма живо общается с дежурным старшекурсником.

Я сразу узнала её. Полина Иванова. Единственная и любимая дочь ныне действующего Сенатора Земли. Самый известный ребёнок нашей планеты. Мне, конечно, было известно, что мы с ней – одноклассницы (по этому поводу некоторые взрослые даже находили повод для шуток), но то, что мы будем учиться на одном курсе, может быть даже в одном классе – это оказалось полнейшим сюрпризом.

На фоне прочих детей из-за своего самоуверенного вида Иванова казалась ученицей как минимум второго-третьего класса.

Хочу признаться: я крайне любопытна. Мне стало интересно, о чём так долго можно разговаривать с парнем, которого, может быть, видишь впервые в жизни, и я подошла ближе.

– А Васильев тоже здесь учиться? – Спросила Иванова.

– Васильев – в пятом классе, это двадцать восьмой корпус.

– И как его успеваемость?

Дежурный пожал плечами.

– Нормально, как и у всех. Если пять лет оттянул. Иначе бы вылетел.

– Папуля у него противный – жуть, – продолжила девочка. – Сынок, наверное, весь в него.

Было понятно, что старшекурснику не совсем приятно заниматься сплетнями, но прервать свою собеседницу он не решался. Он не останавливал её, иногда поддакивал, но сам не говорил ни слова.

Это могло продолжаться до бесконечности.

Ивановой, наконец, надоело вести монолог, и она развернулась, чтобы уйти, но тут увидела меня.

– Привет! Подслушиваем?

– Я?! – Моё лицо вспыхнуло. – Я нечаянно тут...

Есть у меня такая особенность, унаследованная от папы: у меня очень нежная кожа. Я постоянно краснею по всякому поводу и даже без. Иногда, даже достаточно упомянуть в любом постороннем разговоре моё имя, как я чувствую, как краска заливает лицо.

Полина взглянула на меня. Так оценивающе и внимательно мог смотреть ценитель на произведение живописи. Мне захотелось провалиться сквозь пол.

Само собой, я никуда не провалилась. А Иванова сразу перестала обращать на меня внимание, словно меня тут вообще не было, и опять повернулась к своему собеседнику, забыв, что хотела уйти. В любой другой ситуации я бы обиделась на такое демонстративное невнимание, сейчас же я бы-

ла этому только рада, и пошла дальше, ускоряя шаги. Только очутившись в другом конце зала, я смогла отдышаться.

Там я наткнулась на ту самую девочку, которую я видела на дороге рядом с военным. Она сидела на своём рюкзаке, держа в руках большую куклу с пушистыми светлыми волосами. Сама девочка была более чем миниатюрной, кукла казалась чуть ли не больше её самой. Теперь я поняла, почему посчитала её намного младше.

Забавный фактик: на кукле был одет джинсовый костюм, точно такой же, как и на её владелице. Интересно, это так задумано или же всё вышло совершенно случайно?

Помню тогда, в парке, меня поразила красота девочки. Вблизи она оказалась ещё привлекательнее. С непонятным благоговением я разглядывала очень правильные черты её лица, греческий профиль носа, большие зелёные глазищи (не глаза, а именно глазищи, они были больше обычного размера и завораживали то ли немного необычным цветом, то ли своей глубиной).

Всё это вкупе создавало ощущение удивительной гармонии. Подобное я видела только однажды, в каких-то очень старых японских мультиках, где персонажей рисовали с утрированно-большими глазами, из-за чего все: и мальчики, и – особенно – девочки, получались трогательно-красивыми.

У незнакомки были очень чёрные волосы и забавная короткая причёска: кончики волос едва доходили до половины

щеки...

Неожиданно я поймала себя на том, что совершенно беззастенчиво пялюсь на незнакомого в общем-то человека и с некоторым усилием отвела взгляд в сторону.

А потом мне вдруг подумалось, что если внешность незнакомки оказывает такое впечатление на меня – девочку, то как же должны быть ошарашены представители противоположного пола. Я украдкой оглянулась по сторонам. Мальчишки в пределах видимости занимались своими делами, кучковались по двое по трое, тихонько разговаривали между собой и вроде бы все были заняты своими делами, но при каждом удобном случае косые взгляды то и дело обращались в нашу сторону. Разглядывали, само собой, не меня.

Сначала мне стало обидно, потом – завидно. Хорошо всё-таки быть красивой. Если бы я сама притопала сюда с куклой и вот так вот сидела, обнимая её, тут бы, наверное, такой хохот поднялся бы, что и на улице было бы слышно. А эта маленькая барышня сидит, как ни в чём не бывало, только лицо чуть порозовело, и смотрит в пол.

Смущается.

Интересно, с чего это ей смущаться? Неужели за десять лет своей жизни не привыкла к тому, что на её внешность все обращают внимание? Или это из-за куклы? Если ей уж так нравится это раскрашенное чудо, причём настолько что даже в школу готова её тащить, почему тогда в какой-нибудь пакет эту ляльку не упаковала? Зачем обязательно выстав-

лять на всеобщее обозрение свои пристрастия?

Всё это промелькнуло у меня в голове за какие-то доли секунды, потом я отвернулась и принялась разглядывать ребят.

Снова я подумала, что впервые вижу столько суперов в одном месте, из-за этого на какое-то время возникло ощущение нереальности происходящего. Подумать только, они такие же, как я; и я буду с ними со всеми учиться! Сколько времени я ждала этого дня!

Когда человек хочет чихнуть и что-то вынуждает его сдерживаться, то, чем больше он ждёт, тем большее облегчение испытывает, когда всё-таки чихает.

Я целых три года, учась в обычной школе, с нетерпением ожидала, когда можно будет включить голову на полную мощность. Я, конечно, осваивала литературу всяких направлений, придумывала сама для себя тысячи разных задачек, тут же их решала, находила самые изощрённые темы, о которые можно было поломать голову; если описывать все мои ухищрения – книги не хватит.

Если мне нечего было читать, мне обязательно нужно было что-нибудь слушать, если и это не получалось, приходилось просто над чем-нибудь размышлять. Так уж устроены мы, суперы: для нас насущной необходимостью является получение информации, неважно, какой именно и в какой форме. Я знаю даже случаи, когда, если ничего из серьёзной литературы нельзя было отыскать, суперы наизусть выучива-

ли телефонные справочники. Срабатывал инстинкт крокодила – голодный аллигатор набрасывается на всё, что хоть немного пахнет едой.

Если бы кто-нибудь знал, как это мучительно: читать под партой «Основы экономической статистики» в то время, как остальные ребята с трудом одолевают умножение на четыре... Лучше бы я хотела чихать!

От нечего делать я пересчитала ребят. Их оказалось тридцать восемь. Я – тридцать девятая. Солидно. Когда я училась в обычной школе, у нас в классе было пятнадцать человек, в соседнем – одиннадцать. Здесь качество обучения гораздо выше, следовательно, и нагрузка больше, пожалуй, класса на три нас разобьют, если не на четыре.

Интересно, а Иванова со мной в одном классе будет или нет? До сих пор я видела её только по визору. Везде, где бы ни появлялся сенатор, рядом всегда оказывалась его дочка. Я немного завидовала Полине Германовне; самым обидным, пожалуй, было то, что я была на полгода старше её, потому что родилась двадцатого июня, Иванова, насколько я знаю, четвёртого декабря. А если мы окажемся в одном классе, мне придётся каждый день смотреть на неё и осознавать, насколько большего ей удалось добиться за десятилетие своей жизни в отличие от меня. Пренеприятная перспектива. Хотя, с другой стороны, всё это из-за того, что у нас оказались разные стартовые позиции. Если бы я, к примеру, была дочерью Сенатора...

Дальше я даже и думать не стала. Глупо экстраполировать невозможную в принципе ситуацию, тем более, когда так мало исходных данных. Кто знает, если бы я родилась в сенаторской семье, может я вообще бы сочла за радость учиться в обычной школе и всеми силами старалась бы скрыть, что я супер. (Планета у нас большая, иногда попадаются и такие кадры) Кому известно, что в голове у сильных мира сего, кроме этих самых сильных?

Хотя, пожалуй, очутиться в одном классе с Ивановой – это было бы довольно познавательно; интересно понаблюдать за этой девчонкой в обычной жизни. Какая она? Добрая? Злая? Самоуверенная? Любит командовать? Или подчиняться? Всё-таки у неё папуля – ого-го, обычной девочкой она быть не может – это однозначно.

А ещё хорошо бы очутиться в одном классе с этой самой малышкой, которая всё ещё сидит рядом со мной в обнимку с куклой. Из-за чисто эстетических потребностей. На такую красавицу приятно любоваться, словно в музее на хорошую картину.

Хотя, нет, перебила я сама себя. Пожалуй, я чересчур поторопилась со своими желаниями. Не нужно её в моём классе! Вредина она, скорее всего, несусветная. Ни разу не видела красивых людей с хорошим характером. Всегда почему-то бывает так, что внешняя красота обратно пропорциональна красоте внутренней.

Рядом со мной сидели два мальчика, увлечённых разгово-

ром. Специально я не прислушивалась, но некоторые фразы волей-неволей слышала.

– У меня шесть первых мест по математике, – сказал полноватый светловолосый парень своему собеседнику, – это в области. А на материке – три вторых.

– Зато я в НИИ физики полгода работал, – ответил ему сосед. – И деньги за это получал каждый месяц. А ты за зарплату работал?

Мне даже стало за них стыдно. Суперы, а хвастаются друг перед другом, словно самые обычные малыши. Детский сад какой-то! Будь я хоть немножечко посмелее, обязательно осадила бы их. А так мне приходилось сидеть рядом и слушать их болтовню. И как-то обидно становилось, что мне самой нигде поработать не пришлось, хотя несколько раз предлагали трудоустройство с очень хорошей зарплатой.

Эти двое мальчишек отбили у меня всякую охоту прислушиваться и приглядываться к тому, что происходит вокруг. Теперь я поняла Никиту, потому что сама не люблю очень людных мест, предпочитаю лишний раз посидеть в одиночестве.

Я включила персональник и углубилась в чтение средневековой приключенческой книжки. Главный герой – некий капитан Блад, волею судьбы ставший пиратом, – все свои сражения выигрывал за счёт своего недюжинного интеллекта. И сюжет оказался закручен – лучше не придумаешь. Немудрено, что я увлеклась.

Время летело быстро, я едва успевала листать страницу за страницей, не забывая поглядывать на часы. Меж тем девочка с куклой будто начала придвигаться ближе ко мне. Вскоре я совершенно точно заметила, что она смотрит туда же, куда и я.

Я уже не читала, а бессмысленно смотрела на строчки. Я попыталась найти слова, с которыми бы мне обратиться к девочке, но совершенно неожиданно была опережена ею:

– Можно я посмотрю, что ты читаешь? – Вдруг тихо спросила она, настолько тихо, что я её едва услышала.

– Да, конечно, – я чуть повернула экран, не удержалась, чтобы мельком не взглянуть на её личико. Красивая она всё-таки, что тут можно сказать!

– «Капитан Блад»? – Уточнила девочка, заглядывая мне через плечо.

– Он самый.

– Нигде не могу разыскать что-нибудь о Сабатини, хотя много его читала. Историк он хороший, но когда начинает писать что-нибудь о море, то лучше читать без деталей.

– Почему? – Заинтересовалась я.

– Я немножко парусным спортом увлекаюсь, поэтому разбираюсь во всяких тонкостях, – смущённо призналась моя собеседница. – Персонажи делают совсем не то, что нужно делать, как если бы всё происходило на самом деле. Когда дует сильный боковой ветер, Блад даёт команду поднимать крюйсель. Это большой парус на корме судна, – пояснила

она. – Всё, что может из этого получиться – это корабль начнёт вращаться на одном месте. Или во время штиля, чтобы использовать небольшие порывы ветра, поднимают грот, когда любой дилетант скажет, что было бы достаточно поднять какой-нибудь брамсель, – девочка безнадёжно махнула рукой. – Плюс ко всему прочему, персонажи постоянно названия парусов путают. Вот скажи, ты бы стала такое читать?

Моя визави испытующе смотрела на меня, ожидая ответа. Я поёжилась под её взглядом, потом неожиданно для себя улыбнулась.

– Стала бы. Чем я, по-твоему, сейчас занимаюсь? Очень хорошо написано. Мне нравится.

– А мне нет, – она помолчала минуту, потом неожиданно спросила. – Ну, что, знакомиться будем?

– Давай, – я опять не смогла сдержать улыбки. – Я – Настя.

– А я – Марина. Только меня почему-то все Маришей зовут.

– Правильно тебя зовут. Здесь тебя тоже все так будут звать, так что особенно не удивляйся.

– Почему?

– Тебе очень идёт. Круглое какое-то имя. И пушистое. Прямо как ты сама, – всё это я проговорила, внимательно глядя в глаза собеседнице. Я совсем не психолог, но мне было крайне интересно, как она реагирует на прямые комплименты.

Марина опустила глаза, на её щеках появились аккурат-

ленькие ямочки. Всегда завидовала тем девочкам, которые умеют так улыбаться; по-моему, это очень красиво.

Знаете, есть такое понятие «де жавю». По-моему, у меня в то мгновение случилось то же самое. Я смотрела, как улыбается моя новая знакомая, и не могла избавиться от ощущения, что где-то и когда-то я такую улыбку уже видела. Но ведь такого не могло быть, так ведь? Если бы я где-нибудь увидела Марину, то – однозначно – не смогла бы этого никогда забыть, слишком уж впечатляющая у неё была внешность. Да и вообще я редко что-нибудь забываю, только от нервного напряжения или от нестандартных условий, в которых оказывается психика (Как, например, во время экзамена)

Чуть позже, задним числом, вспоминая нашу первую встречу, я отметила некоторую эклектику Маришиного поведения. Она начала диалог довольно бойко, затем вдруг начала смущаться, а через минуту снова обрела уверенность в себя, причём настолько, что начала даже кокетничать.

Интересно, с чего бы её так штормит?

И тут рядом с нами внезапно появился мальчишка. Обычный, в общем-то, мальчик, слегка белобрысый; не очень большой и не очень маленький, так, среднего роста; но выглядел куда старше нас с Мариной (я бы ему дала лет двенадцать), был он слегка хулиганистый, судя по живым глазам; и довольно симпатичный.

– Привет! Вы тут знакомитесь друг с другом, да? Я тоже

хочу. Тебя как зовут? – Повернулся он к моей новой подруге, полностью игнорируя моё присутствие.

И вёл он себя со спокойной уверенностью, словно точно знал, что не получит от ворот поворот.

– Марина. – Улыбнулась та в ответ. Мне показалось, что от постоянных улыбок, которые ей пришлось раздавать в последние несколько часов, рот у неё уже должен был бы болеть.

– А я – Ромка, – мальчик тоже на несколько секунд растянул губы. – Кузнецов. Ты только приехала?

И потекла обычная беседа, которая бывает у только что познакомившихся людей. Другие мальчишки на Ромку уже с завистью оглядывались.

Я сама могла бы растрогаться этой пасторальной сценой, если бы меня не останавливал один-единственный факт: мне было точно известно, что и Мариша и Ромка уже знакомы. Именно их я видела, когда сидела на скамейке около дороги, они шли по дороге рядом с военным, Марина держалась за одну его руку, Рома – за другую. Все втроём они болтали между собой и совсем не производили впечатление незнакомых людей.

«Странные, однако, дела начинают твориться вокруг», – мелькнуло у меня в голове.

Я бы с удовольствием поразмышляла, зачем они скрывают от других ребят своё знакомство, но слишком уж мало знала и Маришу, и Рому, чтобы смоделировать нечто более-менее

достоверное, и решила заняться этим попозже.

Я снова склонилась над монитором, но капитан Блад как персонаж перестал мне нравится. Тем более, я, используя свои более чем скудные познания в парусном спорте, пыталась себе представить, что именно и как происходит на корабле с парусами – и путалась всё больше и больше. Наконец я выключила компьютер. Делать мне будто больше нечего – разбираться в тонкостях средневековой техники. Хотя, говорят, до сих пор находятся оригиналы, которые не в восторге от того, что живут на самой развитой планете человечества; они стараются быть ближе к природе, полагая в подобной близости обрести душевное равновесие. Они почти полностью отказываются от тех благ, которые может предоставить современная цивилизация, живут в каких-то немислимых хижинах, не пользуются Интернетом, электричеством, водопроводом... Короче, жизнь у них такая, что я её себе даже близко представить не могу. Именно поэтому Австралия – единственный материк, где мне не хотелось бы побывать, пусть даже совершенно случайно.

Глава 7

Когда наступило шесть вечера, в зале возникло какое-то движение. Я подняла голову. В дверь протиснулся растрёпанный молодой дядечка в очках. Пиджак у него был слегка помят, галстук висел косо, и вообще он производил вид человека, только что выбравшегося из потасовки в школьном коридоре.

– Здравствуйте! – Кивал он детям, мимо которых проходил. – Добрый день! Здравствуйте! Приветствую вас! Здравствуйте!

Таким образом он добрался до кафедры рядом со мной.

Тут же наступила полная тишина.

Дядечка взобрался наверх, остались видны только его грудь и голова. Когда он оглядел нас, по лицу его продолжала бродить растерянная улыбка.

– Здравствуйте, дети! – Сказал он. Микрофона на кафедре не оказалось и говорил он тихо, однако, как я сказала, вокруг царила полная тишина, и в ней было отчётливо слышно каждое слово. – Меня зовут Михаил Сергеевич. Я директор Школы Навигаторов. Рад приветствовать вас в стенах нашей школы. Я очень надеюсь, что годы, проведённые в стенах нашей школы, – он на секунду запнулся, словно понял, что слишком много говорит о «стенах» этого учебного заведения, потом поправился, – что годы, проведённые здесь, за-

помнятся вам. – Наступила длительная пауза. – У вас есть карточки, – продолжил директор полувопросительным голосом, – а у кого их ещё нет, можно получить их в учебной части, у завуча, это там, недалеко, на первом этаже. На карточке стоит ваше имя и количество баллов. Если баллов станет минус двести пятьдесят, то придётся отчислять вас из «Штук»... то есть, из школы. Надеюсь, ничего этого не случится... И ещё, я вот тут, на трибуне, оставлю связку браслетиков, – послышался стук металла об дерево. – Они выглядят как обычные мобильники, но таковыми на самом деле не являются. Когда вы оденете их себе на руку, то ваши карточки активируются. Снимать их с руки нельзя до конца периода обучения. Если снимите, то карточка прекращает работать, и это значит, что вы отчислены из школы. Поэтому внимательно выбирайте, куда их одеть; левшам, скорее всего, для этого понадобится использовать правую руку, а правшам – левую. Самое главное, что вам нужно знать: браслеты и карточки должны находиться рядом друг с другом, не дальше пяти метров. Если расстояние окажется больше, то карточка опять же перестанет работать.

– А если у нас какие-нибудь хулиганы отберут карточку и убегут с ней? – Поинтересовался мальчик, который стоял совсем рядом со мной.

– Надо как-нибудь... чтобы выяснить отношения без таких вот некрасивых эксцессов...

– Или мы купаться будем? – Спросила какая-то девочка.

Директор беспомощно оглядел присутствующих, нервно поправил очки.

– Если вы будете купаться... то... всё равно как-нибудь нужно, чтобы они были вместе. Положите карточку в пакетик... и прицепите... к трусикам, чтобы не потерять... или куда-нибудь ещё... – Михаил Сергеевич смущался всё больше и больше, паузы между его фразами становились всё продолжительнее, мне даже показалось, что у него очки запотели. – Вот, значит, как... Или можно без пакетика, ибо эти карточки невосприимчивы ко всяким... неблагоприятным факторам, в смысле, внешним воздействиям.

Директор перевёл дыхание, словно только что протащил и сбросил с плеч тяжёлый мешок.

– Вот, собственно говоря, и всё...

Михаил Сергеевич мелкими шажками посеменил к выходу. Не дойдя половины расстояния до двери, вернулся.

– Совсем забыл, – с извиняющейся улыбкой промолвил он. – Жить вы будете в пятом корпусе. Как выйдете из нашего Административного корпуса – и по аллейке направо. Там увидите, будет написано «Первый курс».

– А учиться как? – Поинтересовался уже знакомый мне девичий голос. – И где?

Михаил Сергеевич, который уже успел спуститься с кафедры, даже не стал подниматься.

– Завтра подойдёте в учебный корпус – и там сразу разберётесь.

– Во сколько? – Спросила та же девочка. Я привсталала на цыпочки, чтобы её рассмотреть. Так и есть – Иванова. Ничего другого я не ожидала.

– В семь или в восемь... можно и в девять, и в десять... как вам будет удобно. Вот...

Во время программной речи директора школы тишина была не совсем полной. Это я поняла, когда он ушёл. Тогда наступила действительно ПОЛНАЯ тишина.

– Кто-нибудь понял, что это был за комик? – Спросила Иванова. Он прошла к кафедре, несколько секунд поколебалась, потом всё-таки решила встать на место лектора. Из-за трибуны осталась видна только её голова.

– Короче так, ребята. Директора у нас нет. Если кто-нибудь сомневается, поднимите руки!

Руки, само собой, никто не поднял.

– Очень хорошо. Сейчас будете подходить ко мне, называть свои фамилии и получать браслеты. Одевать их, я думаю, пока не стоит. У кого почерк хороший? – Иванова оглядела безмолвствующих детей, её взгляд задержался на мне. – Иди сюда!

Я снова почувствовала, что стремительно краснею.

– Я?

– Ты, кто же ещё! Садись рядом и составляй список всех, кто тут есть.

– А если я в персональнике будут печатать, а потом распечатаю, чтобы по алфавиту получилось? – Мой голос дро-

жал так, словно я разговаривала не с Ивановой, а с самим Сенатором.

– Тоже дело, – легко согласилась девочка, взяла себе тоненький браслетик, покрутила его в руках. – Меня, надеюсь, знаешь, как зовут?

Я молча кивнула.

Марина, которая всё ещё не отпускала из рук куклы, оказалась Добровской, Рома, который с ней знакомился – Кузнецовым, Никита – Крикливым, впрочем, последние две фамилии я и так уже знала. Интересная, замечу, у Никиты фамилия. Необычная. Таковую раз услышишь – и больше никогда не забудешь, даже если очень захочешь это сделать.

Кстати, если я уж заговорила об именах. До сих пор я считала, что Полина – довольно редкое имя, а в нашем классе их оказалось целых три, включая Иванову, которая даже с какой-то ревностью разглядывала неожиданно появившихся своих тёзок.

Через несколько минут все браслеты, кроме одного, были разобраны.

– Это чей? – Спросила дочка Сенатора, поднимая его над головой. – Ничей? Ну и ладно, – она небрежно сунула его в карман шорт. – Пойдёмте пятый корпус искать, что ли?

Ребята послушно потянулись за ней.

Я вышла из Административного корпуса самой последней, не переставая дивиться абсурдности происходящего. В роли директора я ожидала увидеть кого угодно: от старень-

кой суховатой бабушки до той кобры в очках, которая выдавала нам карточки. Но человек за кафедрой на роль директора нашей «Штуки» не годился ни по каким параметрам. Всего моего смирения не хватит даже для того, чтобы уважать этого дядечку, не говоря о большем.

Он был жалким и напуганным, каждый раз смотрел на нас так, словно мы его сейчас начнём бить (Может, его старшекурсники и бьют время от времени?), а когда произносил свою речь, то двух слов связать не мог. И это – главный человек здешней «Штуки» – главного учебного заведения всей планеты? Не верю!

Странные тут, однако, порядки. Зачем он только здесь нужен, этот свадебный генерал?

На всякий случай я отложила в голове этот вопрос, чтобы было, о чём подумать на досуге. Априори следует признать факт, что всё, что здесь происходит, кому-то и зачем-то нужно. Только вот кому и зачем?

Пятый корпус, как это ни странно, мы отыскали быстро. Большое двухэтажное строение из обтёсанных брёвен напоминало сказочный теремок, если бы только не тёмные стёкла окон, которыми тот смотрел на мир, и этим по солидности очень напоминал административный корпус. На парадной двери висела медная, потемневшая от времени табличка «ХОЛЛ 1 КУРС» – и больше ничего.

Мы, все тридцать девять человек, остановились, глядя на этот пейзаж. Замок на двери отсутствовал, на ней не было

даже самой примитивной ручки.

– Что вы все на меня смотрите? – Буркнула Иванова. Судя по всему, она была озадачена не меньше нас.

«Может в двери скрытый сенсозамок?» – Мелькнуло у меня в голове.

Иванова, похоже, подумала то же самое. Она подошла к двери и поводила рукой над тем местом, где обычно делали такие замки: чуть выше и правее геометрического центра двери. Тщетно. Дверь оставалась закрытой.

И тут заговорил Никита. Подсознательно я чувствовала, что без него дело не обойдётся, он обязательно найдёт способ высунуться из толпы прочих ребят.

– У нас карточки не активированы. Стоит только пройти активацию – и всё тут же заработает.

Иванова оглядела его с головы до ног, хмыкнула:

– Если ты такой умный, может первым активируешь свою и пройдёшь туда?

– Запросто.

Мальчик сбросил с плеча рюкзак, вытащил из кармана браслет, несколько секунд постоял, собираясь с мыслями, наконец перевёл дыхание и решительно защёлкнул его на левом запястье рядом с браслетом мобильного. Карточка в его нагрудном кармане тихонько загудела. Никита озабоченно вытащил её, осмотрел с обеих сторон, снова бросил в карман.

– И что теперь? – Иронически осведомилась Иванова.

Мне кажется, она слишком ревниво отнеслась к своей должности руководителя и почему-то увидела в моём знакомом своего потенциального конкурента.

Никита подошёл к двери, и та просто растворилась в воздухе. Пронёсся всеобщий вздох восхищения. Подобные технологии применялись в космической технике, на военных объектах и ещё – в очень дорогих земных гостиницах. Такой эффект называется направленным силовым полем или попросту вакуумным полем. Пробить такую дверь невозможно ничем, кроме, пожалуй, направленного нейронного взрыва. Встретить вакуумные поля тут, в ничем не примечательном холле для детей-суперов – это по меньшей мере странно. Интересно, а стены тут тоже прямую ядерную бомбардировку могут выдержать? При случае было бы неплохо узнать, из чего они состоят.

Вопросы множились с невероятной быстротой, но на них пока не было ни одного ответа.

Загудели активируемые карточки. Я вытащила из кармана свой браслет. Мне почему-то стало тоскливо. Сколько раз я прощалась со своей гражданской жизнью – и не сосчитать. Сначала – когда отправила на грave моих домашних, потом – когда переступала порог КПП, в третий раз – получая карточку, теперь вот – активируя её. Дай Бог, это последняя ступенечка на моём пути в эту школу. Сколько же можно?

Подчиняясь внезапному порыву, я защёлкнула браслет не на левой руке, а на правой. Не знаю, почему. Скорее всего

из-за того, что на ней с детства привыкла носить мобильник, который теперь лежал где-то на дне сумки.

Гудение, вибрация, карточка дрогнула, словно живая, цифра «двести пятьдесят» на её экране на несколько секунд сменилась надписью «активация пройдена».

Вот и всё.

Теперь я окольцована на целых пять лет. И всё это время придётся тщательно следить, чтобы карточка не удалялась от браслета больше чем на пять метров. Карман какой-нибудь специальный сделать для неё, что ли? Или на грудь повесить, на цепочку? И последний вопрос, в ряду прочих самый главный: ЗАЧЕМ?

Глава 8

Сейчас полностью деревянные дома встретить трудно, большей частью это пластиковые новоделки, замаскированные под старинные строения. Тот дом, куда мы вошли, оказался по-настоящему деревянным. Полутёмный коридор вёл в большую комнату, в которой длинными рядами стояли стулья. В дальнем конце находилось что-то вроде сцены.

Некоторые ребята уже дурачились на ней, с опаской поглядывая на входную дверь. Не надо быть глубоким психологом, чтобы понять, что они чуть ли не в первый раз в жизни так надолго остались одни, и ожидали, что вот-вот появится кто-нибудь из здешнего начальства и устроит им хорошенькую взбучку.

– Они молчат и просто ждут
что этой ночью всё придёт

Наступит то, что ветер шепчет

На рассвете, – дурным голосом прокричал высокий сероглазый мальчишка куплет из «Лунных детей».

Это была довольно известная современная рок-опера, которую сейчас исполняют все, кому не лень. В данный момент мальчик очень удачно скопировал голос Димы Золото-го, кумира старших школьников, чьё капризно-спесивое личико несколько последних месяцев не сходило с экранов визоров.

Напоследок мальчик высунул язык и склонил голову набок. Я фыркнула, настолько комично это получилось. Дима Золотой тоже склонял голову набок, наверное, считал, что в таком ракурсе его лицо выглядит в более выигрышном свете. Только вот язык он никогда не высовывал.

Я неожиданно почувствовала на себе чей-то взгляд и быстро обернулась. Иванова, которая по своему обыкновению стояла в стороне от остальных детей, внимательно смотрела на меня. В ту же секунду она отвела глаза.

Интересно, чего это она меня рассматривает? Всё ещё думает, что я тогда за ней подслушивала в чём-то подозревает? На редкость неловко получилось!

– Так, малыши, вы долго ещё будете тут развлекаться?

Угадайте с трёх раз, кто это мог сказать.

Ребята, все как один, воззрились на Иванову.

– А что делать? – Спросил мальчик, изображавший Золотого.

– Пойдёмте на второй этаж, похоже, там жилые комнаты.

– А по шее нам не будет за такое самоуправство? – Поинтересовался низенький рыжеволосый мальчик.

Иванова хмыкнула:

– Я вас туда позвала, – она сделала ударение на первом слове, – а не вы сами пошли, поэтому это будут МОИ проблемы, а не ваши.

На втором этаже я с некоторым недоумением рассматривала висящие на стенах картины, цветочные горшки, рас-

ставленные по подоконникам, всякие скатерти на журнальных столиках, вазочки и салфеточки под ними. Я понюхала большие жёлтые цветы, они оказались искусственными.

Здесь было в меру уютно. Говоря «в меру», я имею в виду, что точно такой же уют можно обнаружить в любой уважающей себя гостинице, но никак не в жилом помещении, где обитают постоянно.

Когда я присмотрелась повнимательнее, то поняла, что порядок был наведён наспех: под тумбочками оказались свежие разводы от мокрых тряпок, кое-где по укромным углам валялись забытые ненужные мелочи вроде расчёсок и блокнотиков. Мне удалось даже отыскать кристалл с какими-то древними фильмами. Его я оставила для себя, полагая, что прошлому владельцу он вряд ли понадобится.

Потом я начала осматривать комнаты, которых всего оказалось двадцать, нас – тридцать девять. Арифметика более чем простая: по два человека в комнате.

Если у меня раньше и были какие-нибудь подозрения, то сейчас я окончательно убедилась в том, что теперь это здание – полностью наше. А до этого в нём жил тот курс, который сейчас стал вторым. Слишком много тут было всего такого, что безоговорочно на это указывало.

Сразу вспомнилась надпись «ПЕРВЫЙ КУРС» на входных дверях. Теперь понятно, почему она такая статичная. В самом деле, зачем её перевешивать, если на следующий год мы переедем в здание второго курса, наверное, более бла-

гоустроенное, чем это, а на наше место снова въедут перво-клашки?

Ребята бродили по второму этажу, громко разговаривая между собой.

– Тут пишевик старый! – С негодованием выпалил мальчишка, выбегая из одной комнаты и вбегая в следующую.

Рядом со мной распахнулась ещё одна дверь. Оттуда вышла полная светловолосая девочка.

– Тоже мне, – объяснила она, ни к кому особенно не обращаясь, – нашли дуру.

– Что? – Не поняла я, подумав, что девочка говорит мне.

– Прямо под окном волейбольная площадка. Это мне, значит, пять лет слушать, как аборигены по мячу бьют? – И ничтоже сумняшеся вошла в комнату напротив.

Я уселась на большой диван, стоящий между двумя, висящими на стене зеркалами, попрыгала, сидя, пробуя крепость натянутой кожи. И диван самый настоящий, старинный, без дураков. Красивый, удобный и, судя по всему, очень дорогой.

Хорошо всё-таки здесь!

Вдруг откуда-то появился Никита, невозмутимо уселся рядом.

– О, ты тут? Уже выбрала, где будешь жить?

– Да нет, я подожду, если где-нибудь место останется... Не хочу бегать вместе со всеми.

– Правильно, что не хочешь! – Иванова устроилась с дру-

гой стороны. Я даже вздрогнула от неожиданности, из воздуха она материализовалась, что ли?

Так близко я видела дочь Сенатора впервые. На меня пахнуло каким-то сложным, едва уловимым ароматом; это были то ли какие-то пряности, то ли очень хороший дезодорант. Я невольно отодвинулась.

– Не бойся, я не кусаюсь, – хмыкнула та.

– Я не боюсь.

Сейчас я вспоминаю всё это с улыбкой, но тогда, вынуждена признаться, голос мой дрожал, словно я зачитывала собственный смертный приговор.

Девочка смотрела на меня, я – на неё. Глаза у неё оказались серыми, пытливыми, очень внимательными, губы кривились в тонкой усмешке.

– А мне почему-то кажется, что ты от меня в ужасе. Хочешь жить со мной в одной комнате?

Я опешила и не нашлась, что ответить. И, само собой, жутко покраснела.

А ещё я не поверила, что вопрос задан серьёзно. И где-то в подсознании подумала, что может сейчас идёт какая-то проверка. А стоит мне только согласиться...

Всё это проскочило в подсознании, почти не задерживаясь. Какая ещё проверка? Разве Иванова вместе со всеми не бегала, разыскивая нужный холл, разве она на общих основаниях не получала карточку?

Я едва смогла прошептать:

– А почему ты со мной хочешь?

– Ты не вредина.

– С чего ты взяла? – Я впервые обратилась к ней. Обратилась на «ты», и после этого даже нашла в себе силы улыбнуться.

– Ты краснеть умеешь, – дружелюбно пояснила Иванова. – И симпатичная, с тобой приятно будет в одной комнате жить. Ну?

Никита с интересом прислушивался к нашему разговору.

– Ты думаешь, нам разрешат?

Моя собеседница хмыкнула:

– Ты вообще, с какой планеты к нам? Не знаешь, кто я такая? Или до сих пор думаешь, что придёт какой-нибудь добренький дядечка и что-нибудь посмеет мне сказать? Хватит, уже приходил.

Я взглянула на мальчика, словно ждала, словно ждала от него подсказки, что нужно делать. Он едва заметно передёрнул плечами с видом, что, мол, я, разбирайся сама. От Ивановой наш безмолвный диалог не укрылся.

– Это твой брат? – Поинтересовалась она.

– У тебя в школе был «этикет»? – Спросил у неё Никита, поднимаясь со своего места.

– Был. И что?

– Пора бы знать, что в присутствии какого-нибудь человека невежливо говорить об этом человеке в третьем лице.

И ушёл.

Это называется «поставить на место».

Я бы на месте моей будущей соседке по комнате умерла со стыда, та только слегка порозовела.

Да, не сошлись ребята характерами, что тут ещё можно сказать. Точнее, слишком уж сошлись, а теперь отталкиваются друг от друга словно два одноимённых полюса в магните.

– Ну, что, ты решила? – Голос Ивановой перестал быть дружелюбным. Я поняла, что, стоит мне сейчас отказаться, я стану её врагом на всю оставшуюся жизнь.

– Меня Настей зовут. Пойдём?

Мы подошли к двери с цифрой «пятнадцать». Я слегка удивилась такому совпадению: всегда считала это число своим счастливым.

Комнату себе Полина, как это и следовало ожидать, выбрала самую лучшую. Просторная, светлая, с двумя аккуратно застеленными кроватями у противоположных стен. Перед окном – двухместный письменный стол, в разных углах по обе стороны от него – интернет-кресла. Ещё один крохотный столик с обтекаемым корпусом пиццесинтезатора. Это – минимум любого уважающего себя кабинета.

Были тут и свои излишества. Пушистый серый ковёр, настолько большой, что казался не ковром, а полом. Такой я видела впервые: ноги по щиколотку утопали в ворсе. Мерно раскачивался маятник ходиков. В самый неожиданный момент из крохотной дверки, которую я сначала не заметила,

высунулась серая птичка и прокуковала семь раз. Семь часов. Часики, оказывается, ещё и с кукушкой. Здорово.

За окном шумели вековые дубы школьного парка. Между стволами деревьев блестела гладь озера.

– Здесь довольно мило.

Иванова фыркнула:

– Ты говоришь прямо как героиня какого-нибудь старого фильма.

Она прошла по комнате, переставляя с места на место какие-то безделушки, подошла к пиццесинтезатору, открыла его крышку и принялась изучать написанные на оборотной стороне технические характеристики.

– От голода мы тут не умрём, – наконец, последовал комментарий. – Но сам пищик – жуткая рухлядь. Если можно будет, обязательно поменяю. Есть хочешь?

– Я сегодня даже позавтракать не успела.

– Иногда на меня такое находит: люблю похозяйничать, – сообщила Полина, сосредоточенно нажимая кнопки. – Только не думай, что я всегда буду готовить.

– Не буду.

После импровизированной трапезы мы принялись разбирать сумки...

Глава 9

Так я оказалась в одной комнате с Полиной Ивановой – самым, пожалуй, известным ребёнком на нашей планете. Раньше я её видела только по телевизору и даже представить себе не могла, что когда-нибудь буду сидеть в метре от неё и наблюдать, как она аккуратными кучками раскладывает по кровати всякую полезную мелочь из своего чемоданчика.

– Моё! – Заявила она, усаживаясь в кресло. Руками Полина плотно обхватила подлокотники и сразу стала похожа на средневековую принцессу на троне.

Я нейтрально пожала плечами. Девочка сползла с кресла.

– С тобой неинтересно, – заявила она. – Какая-то ты беззубая. Ты спорить вообще умеешь?

– Наспоримся ещё за пять лет. Ты хочешь, чтобы я с первых же минут начала выяснять с тобой отношения?

Полина подняла брови:

– Ты не такая пушистая, как я надеялась.

– Первое впечатление редко бывает верным.

– Когда ты краснела, ты притворялась?

– Нет. Соматические реакции организма подделывать невозможно.

– Тогда всё в порядке. Человек, который умеет краснеть, редко бывает плохим.

Мы продолжили разбирать багаж.

– Подумать только, – Полина оглянулась вокруг так, словно только что зашла в комнату, – пять лет в этой конуре.

– Всего год, – успокоила я её.

– С чего ты взяла?

– Табличку на двери видела?

– Где написано «ХОЛЛ 1 КУРСА»? Да, а что?

– Ей лет пятьдесят, не меньше...

– Тут всё под старину сделано, – вставила Полина.

– Я не о том. Её ни разу не перевешивали. Значит в следующем году здесь тоже будут жить первоклашки. А мы переедем куда-нибудь ещё.

– Хорошо бы в более солидные апартаменты, – она снова бросила вокруг взгляд миллионера, который случайно зашёл в притон.

– Будут тебе солидные, не волнуйся.

– А я и не волнуюсь.

Несколько минут Полина раскладывала в ящики стола канцелярские принадлежности, потом хмыкнула:

– У меня создаётся ощущение, что ты знаешь больше, чем все остальные.

– С чего ты взяла?

– Откуда, например, тебе известно, что на следующих курсах наши..., – она запнулась, подбирая слово, – жилищные условия улучшатся?

– Это элементарно. Даже проще, чем сложить два и два. Когда ты на вахте с дежурным болтала, помнишь, что он го-

ворил? Что первый курс живёт в этом холле, а Васильев, пятикурсник – в двадцать восьмом. Как ты думаешь, для чего остальные двадцать семь корпусов? И, кстати, двадцать восьмой, вполне возможно, не последний.

Полина задумалась. Потом кивнула.

– Как, оказывается, всё просто, – сказала она. – Значит, мы тут прозябаем, зато старшекурсники живут как короли. По два-три человека в целом корпусе.

– Вот-вот. По человеку на этаж.

– И всё-таки ты меня подслушивала, – с глубоким удовлетворением в голосе произнесла Полина.

– Извини, я нечаянно. Тем более, ты особенно-то и не пряталась.

– Да ладно, с кем не бывает, – отмахнулась Полина. – Я и сама любопытная – просто жуть.

– Я тоже, – не могла я не признаться, – иногда.

– Я рада, что мы так быстро нашли, в чём совпадаем друг с другом, – и тут же Полина поменяла тему. – Я бы с удовольствием пообщалась со здешним начальством.

– Ты имеешь в виду того дядечку, который называет себя директором?

– Дядечку! – Хихикнула Полина. – Это точно, что он «дядечка», по другому и не скажешь. Никогда бы не подумала, что здесь, в этой школе, такое начальство.

– Это не начальство. Точнее, не настоящее начальство. Он нас боится до потери сознания.

– Я тоже это заметила. Наверное, думает, что мы взглядом можем убивать, или что-нибудь в этом роде. Сама знаешь, какие истории по Сети ходят.

– Настоящее начальство мы увидим сегодня вечером. Или, максимум, завтра.

Полина внимательно на меня посмотрела.

– С чего ты взяла?

– Обычная логика.

– «Два плюс два», как любит говорить мой папа?

– Даже проще.

– Почему?

– Не скажу, – спокойно ответила я.

– Почему? – Повторила Полина.

– Когда это произойдёт – я смогу всё объяснить. А если я не права – зачем тебя смешить и зря свои акции опускать?

– Логично. И вообще, – восхитилась она сама собой, – как я удачно тебя выбрала!

Я задала вопрос, который меня интересовал больше всего:

– Ты вообще что-нибудь слышала «Штуках»?

– Нет, – помрачнела Полина. – Пыталась отыскать в Сети, но там только какие-то байки. А сайты «Штук» закрыты лучше, чем сайты наших военных Навигаторов.

Я кивнула, соглашаясь, но ни капельки Ивановой не поверила. Имея самым близким родственником Сенатора планеты, она вне всякого сомнения должна знать много такого, что недоступно среднестатистическому человеку. Только

вот, похоже, все свои тайны первой попавшейся любопытной подружке она открывать не намерена. Ну, и ладно. Не очень-то надо. В ближайшие несколько дней и так всё выяснится.

– Как ты думаешь, – спросила Полина через минуту, – у меня когда-нибудь получится стать здесь главной?

Я вытаращилась на мою новую подругу:

– В каком смысле?

– Мне не хочется прозябать среди остальных ребят, – призналась она. – Когда я училась в школе, то была старостой всего начального звена, с первого по третий класс. Хорошо бы и здесь куда-нибудь пробиться.

Я даже не посчитала нужным скрыть невольную усмешку.

– Если ты будешь вести себя так, как вела до сих пор, думаю, месяца тебе хватит, чтобы стать старостой всей нашей «Штуки».

Моя новая подруга заулыбалась:

– Это было бы просто великолепно.

– Кстати, а кто такой Васильев, о котором ты в учебном корпусе с дежурным говорила?

– Сыночек нашего министра по связи. Вредный и толстый мужик, не люблю таких. И отпрыск его, подозреваю, недалеко от папы ускакал. Ни разу его не видела, но теперь и знакомиться знаешь, как-то не очень хочется.

Я ни за что не сказала бы про какого-нибудь взрослого, что он вредный и толстый, однако и своей новой подруге делать замечание постеснялась и промолчала. Потом до меня

дошло.

– Подожди! – Сказала я. – Васильев ведь в пятом классе. Значит, ему уже четырнадцать лет. Или даже пятнадцать. И ТЕБЯ попросили ЗА НИМ присмотреть?

– Ты его просто не знаешь, – пренебрежительно отмахнулась Полина. – У меня папуля хороший и умел меня воспитывать. А Васильев абсолютно не приспособлен к жизни. Я вообще не понимаю, как он до своих пятнадцати дожил. Тем более, здесь.

В коридоре послышался шум. Ребята явно ссорились, разговор шёл на повышенных тонах.

Девочка выглянула за дверь:

– Что там такое?! Вы ещё подеритесь!

– Так я первый эту комнату занял! И сумку свою сюда положил! А они вдвоём припёрлись!

– Если комната твоя, так и сидел бы в ней!

– Я что – барбосик, чтобы в комнате, словно в будке, сидеть?!

Полина вышла, оставив дверь приоткрытой. Я с интересом прислушивалась к развивающейся ссоре. Сразу скажу, что у меня нет извращённого желания слушать, как кричат друг на друга в общем-то не совсем знакомые между собой люди. В нашей семье так уж повелось, что у нас никто никогда не ссорился, да и ребята в моём старом классе подобрались на редкость уживчивые, поэтому я никогда не видела, как протекает среднестатистический скандал. Я даже

не представляла, что из-за такого вот пустяка, как размещение в той или иной комнате, можно наговорить тому парню, рядом с которым собираешься учиться не один год, всякие гадости. Потом же хуже будет. Неужели ребята этого не понимают?

Похоже, нет. Ссора разгоралась.

– Всем успокоиться!! – Взвизгнула Полина. Голос у неё настолько изменился, что я даже не сразу поняла, что это кричала она. – Теперь давайте по порядку!

Я поняла, что именно случится в самое ближайшее время, и включила персональник. К тому времени, как Иванова, взволнованная и покрасневшая, вбежала в комнату и потребовала список всех учеников, распечатка уже была готова.

Полина даже не соизволила удивиться, восприняла мою оперативность как должное, и умчалась обратно.

– Нас тут тридцать девять человек, – слышался её голос. – Девятнадцать мальчиков и двадцать девочек. Комнат тоже двадцать. Сейчас вы мне скажете номера комнат и кто с кем живёт, потом будем разбираться дальше.

Очень не вовремя я проявила любопытство и высунулась из-за двери. Полина обрадовалась, увидев меня.

– Это ты?! Записывай, а я буду говорить!

Я молча подчинилась. Мне как-то неловко было осознавать себя стоящей перед нестройной шеренгой моих будущих одноклассников, зато Полина в роли старорежимного

прапорщика явно чувствовала себя как рыба в воде, прохаживалась взад-вперёд, бросала деланно – озабоченные взгляды на лист бумаги в своей руке, говорила преувеличенно значительным голосом. Подозреваю, что она слегка рисовалась.

Впрочем, каждому своё.

– Во-первых, что за счастливчик у нас живёт один?

Одна из девочек несмело подняла руку.

– Фамилия? – Осведомилась Полина.

– Батюкова.

– Стоп! – Неожиданно для себя громко проговорила я и смутилась от всеобщего внимания.

– Что ещё? – Повернулась ко мне Полина.

– Такого не может быть. У нас мальчик должен лишним быть, а не девочка.

Иванова сориентировалась мгновенно.

– Все встали рядом со своими соседями!

Разобрались попарно. Тут же всё выяснилось. Марина, смущаясь встала около Ромы. Куклы у неё, слава Богу, не было, но теперь она вертела в руках плюшевого котёнка.

– Вы что – офонарели? – Свистящим шёпотом осведомилась Полина, остановившись напротив них. – У вас хоть какие-то понятия о приличиях имеются?

– Ромка сказал, что хочет со мной в одной комнате... – залепетала Мариша, готовая расплакаться.

Мальчик прятался за её спину. Это у него не получалось, он был на голову выше своей подруги.

– Вон! – Коротко бросила Полина. Не дождавшись реакции на свои слова. Схватила Рому за шиворот, толкнула к первому попавшемуся мальчишке. – Будете вместе.

– А чего ты тут раскомандовалась? – Выворачиваясь из её рук, со злостью в голосе спросил Рома.

Я удивилась, когда увидела Полинину реакцию на этот бунт. Девочка мгновенно успокоилась, а потом даже заулыбалась.

– Ты на самом деле хочешь знать, почему я тут раскомандовалась? – Неожиданно дружелюбно спросила она.

– Хочу! – Ромка был похож на забавную растрёпанную птичку, готового за крошку хлеба отдать свою крохотную воробьиную жизнь.

– Кто ещё хочет? – Весело осведомилась Полина, обводя взглядом шеренгу.

Ребята, само собой, молчали.

– А ты, Мариночка? – Ласково поинтересовалась она у девочки.

Марина, наконец, не выдержала и расплакалась, закрыв лицо руками. Мне почему-то показалось, что Полина именно этого и добивалась.

– Ты в меньшинстве, Ромчик, – с притворной горестью вздохнула Полина. – У тебя есть два выхода. Ты можешь продолжать качать свои права, тогда я приложу все усилия, чтобы ты вылетел из «Штуки» самым первым. А слов на ветер я не бросаю. Ты ещё не имел возможности в этом убедит-

ся, но убедишься, думаю, в течение ближайших нескольких дней. Если доживёшь и никуда не уедешь. Есть ещё один вариант. Ты тихонько становишься в строй, и мы забываем про наши разногласия. **ВООБЩЕ** забываем, – она выделила первое слово. – «Вообще» – это значит следующее: что бы ни случилось, ни с тобой, ни со мной, сегодняшнее происшествие я больше ни разу не вспомню. Выбирай!

Мальчик колебался недолго. Опустив голову, он занял место в строю, рядом с тем мальчишкой, которого назначила ему в соседи Иванова.

Полина только криво усмехнулась, после чего перестала обращать внимание на мальчика, словно ничего минуту назад не происходило.

Дальше всё пошло как по маслу. Никита вызвался помогать всем с расселением; прилежно таскал из комнаты в комнату сумки, вещи, столы тумбочки и всякие мелочи; с Полиной он тоже вёл себя так, словно между ними ничего не было.

– Понял, что я ему не по зубам, – шепнула мне Полина, когда мальчик с уже изрядно потёртым списком в руке подошёл к нам, чтобы что-то уточнить.

Никитины усилия оказались вознаграждены. После многочасовых пертурбаций как-то так странно получилось, что он остался в угловой комнате – в девятнадцатой – одной из самых лучших – абсолютно один.

– По-моему, он нас обхитрил, – не преминула заметить я. Полина, похоже, тоже это поняла, поэтому тему предпо-

чала не развивать.

До самого вечера мы разбирали вещи и устраивались.

Время от времени к нам забежали ребята, что-то спрашивали у Полины, та отвечала, несколько раз надолго уходила.

– Так я и знала! – Заявила она, вернувшись после очередной своей отлучки, – во всём холле – ни одного взрослого. Мы предоставлены сами себе!

Последнюю фразу она произнесла с всем воодушевлением, на которое только была способна.

– Произошло что-то такое, после чего ты в этом убедилась?

Полина несколько секунд «переваривала» мой вопрос.

– Как-то ты странно говоришь... Вообще-то, да. Там ребята на первом этаже из зала стулья убрали.

– Что – все? – Не поверила я. – И куда?

– Ага, все. Расставили аккуратненько, вдоль стен, чтобы не мешали. Ни один здешний комендант, как бы он ни шифровался, этого бы не смог выдержать, обязательно прибежал бы разбираться.

– Интересно, что они там собрались делать?

– Не представляю, – ответила Полина. – И как-то не очень хочется узнавать. Я ведь не тиранка средневековая. Хотят устроить дискотеку – пусть устраивают. Зачем лишать народ маленьких радостей жизни?

– А ты на дискотеку не собираешься?

– Однозначно – нет. Во-первых, сразу хочу провести ли-

нию между мной и остальными, иначе, если будут вспоминать, как я с ними прыгала по танцплощадке, не будут воспринимать меня серьёзно. Во-вторых, – Полина даже принялась загибать пальцы, – одним своим присутствием я отравлю атмосферу всеобщей радости. На меня будут нехорошо коситься – мне это надо? А в-третьих, – Полина душевнораздирающе зевнула, – хочу выспаться. Думаешь, легко целый день на пьедестал карабкаться? А завтра, если ты права, будет ещё тяжелее. Так что... Ты, похоже, тоже никуда не идёшь?

– Я не люблю всякое... такое, – я даже покрутила пальцами в воздухе, словно надеялась, что это натолкнёт меня на нужные мысли, но яснее выразиться так и не смогла.

Не знаю, насколько Полину удовлетворило моё путанное и более чем краткое объяснение.

– Кстати, запоминай, что я тебе говорю, – сказала она, – пригодится в жизни. Если уж ты попала со мной в одну комнату, я из тебя настоящего Навигатора сделаю. Все ахнут. Первое место на планете не обещаю, я уже застолбила территорию после папули, но вот второе – это сколько угодно. Единственное условие: чтобы ты на двойки не училась.

Спать, кстати, она так и не стала. Сначала копалась у себя в персональнике, потом забралась в интернет-кресло и долго вращалась в нём, чуть ли не вниз головой, сняла шлем, отбросила его в сторону (тот закачался на тонком шнуре), вытерла рукой вспотевший лоб.

– Ничего не понимаю! – Пожаловалась она. – Изнутри сайт тоже закрыт. Хотела папке позвонить – обсмеяли, послали... даже не буду говорить, куда. Пр-ридурки! – С чувством закончила она.

– Не надо ругаться.

– Это я-то ругаюсь? – Возмутилась моя подруга. – Ты бы ИХ послушала!

– На твоём месте я бы на них не равнялась.

– И то верно, – на удивление быстро согласилась Полина.

Она выбралась из кресла, сделала несколько мелких шажков, разминая затёкшие ноги.

– И погода там на сайте идиотская – ночь, жуткий ливень, в двух шагах ничего не видно... Надеюсь, она хоть иногда меняется... У тебя мобильник есть? – Спросила она без всякого перехода.

– Есть.

– Дай позвонить, а? А то я свой не взяла, подумала, не понадобится...

Я отыскала в сумке браслет телефона и протянула ей.

Полина устроилась на постели, надела мобильник на руку, подождала, пока он включится, и принялась набирать номер, вполголоса диктуя в микрофон цифры. Так она провозилась довольно долго. Потом отдала браслет обратно.

– Так я и думала. Полная информационная блокада. Здесь телефон не принимает. Ты вообще видела где-нибудь на нашей планете места, где мобильник может не принимать?

– А если на улицу выйти?

– Неохота, уже ночь. Завтра попробуем. Да и навряд ли у нас что-нибудь получится. Если бы было всё так просто... Жалко только, что папуля волноваться будет.

Кому «папуля», а кому и Сенатор. Я незаметно взглянула на лицо моей подруги, в нём не было ни малейшего следа насмешки. Мне стало ясно, что она настолько сильно любит своего отца, что готова называть его папулей перед любым, даже едва знакомым человеком.

Если честно, то это была самая первая чёрточка её характера, которая мне понравилась.

А по поводу телефона – это был её «проколычик». Небольшой, но «проколычик». Какой нормальный человек будет оставлять телефон дома? Значит она подозревала, что позвонить отсюда она не сможет?

Я всё больше убеждалась, что дочери Сенатора известно куда больше, чем она хочет показать.

На всякий случай я попыталась набрать свой домашний номер. Тщетно. Нет даже сигнала сети.

С первого этажа слышались тяжёлые музыкальные аккорды.

– Пойти, что ли, сказать, чтобы они там потише сделали? – Вслух задумалась Полина, потом махнула рукой. – А, ладно, пусть развлекаются!

Музыка звучала недолго. Уже в половине одиннадцатого всё затихло, ребята начали расходиться по своим комнатам.

К нам заглянул Никита.

– А чего вас не было?

– Исчезни! – Голосом мага, изгоняющего нечисть, потребовала Полина. Последние четверть часа она сидела перед трюмо и с таким вниманием смотрела на своё изображение, словно собиралась сама себя загипнотизировать.

– Не захотели, – объяснила я. – Настроения нет.

Никита молча закрыл дверь.

– Ходят тут всякие..., – буркнула Полина.

– Ты на ведьму похожа, – отозвалась я, – сидишь распущенная перед зеркалом, прямо мурашки по коже бегут, как на тебя взгляну. Перед тобой ещё свечки не хватает.

– Зачем – свечка?

– Не знаю. Просто я помню всякие фильмы, там всегда ведьмы перед зеркалами со свечками и с распущенными волосами садятся, чтобы колдовать.

Полина тут же принялась собирать волосы в хвостик. Наверное, она не очень хотела походить на ведьму.

– А где наш список? – Спыхватилась она.

– Ты его в правый верхний ящик стола положила, – сообщила я со своего места. Я как раз сидела на том самом кресле, которое Полина назвала своим, и лениво листала какую-то книгу.

– Молодец, внимательная, – похвалила она меня, доставая искомое, наскоро пробежала его глазами и задумчиво протянула. – Тридцать девять – настолько не круглое число...

– И что?

– Мне кажется, нас должно быть сорок. Только вот где этого последнего искать?

– Может на КПП спросить? – Предложила я.

– Если я сейчас кого-нибудь пошлю на КПП, – не без резона возразила мне Полина, – то рискую не дожить до завтрашнего утра.

Я была вынуждена согласиться.

Отсутствующий сороковой человек не давал Полине покоя. Я видела, как она время от времени подходит к двери и прислушивается к происходящему в коридоре.

– Да не волнуйся ты, придет он, никуда не денется, – успокаивала я её. – Была бы ещё девочка, мы могли бы волноваться... Вдруг она как наша Мариша к жизни совсем не приспособлена? А мальчишка – он в любом случае вывернется, где бы ни очутился.

Полинино беспокойство раскрыло мне ещё одну положительную черточку характера моей соседки. Если бы она просто давала всем понять, что она тут главная – и точка, то для меня её образ оказался бы совсем непривлекательным. Сейчас же, когда она места не находила от беспокойства за абсолютно незнакомого человека, в то время, как остальные наши ребята давным-давно спали и ни о чём таком не думали. Я поняла, что Полина чувствует свою ответственность за каждого, кем взялась руководить. Молодец, что ещё сказать. Дай Бог каждому такого директора.

Когда я через несколько минут вышла из комнаты... как бы это так сказать помягче... по своим личным делам, то увидела, как по лестнице поднимается невысокий полненький мальчик. Лицо у него было тоскливым, словно он вот-вот расплачется, на носу прочно сидели большие круглые очки.

Увидев меня, он остановился и воззрился на моё лицо с таким испугом, словно я только что прямо на его глазах восстала из гроба.

– Привет!

Он даже не поздоровался.

– Первый класс тут живёт? – Спросил мальчик, ставя на пол сумки, в каждую без труда мог уместиться он сам со своим младшим братом в придачу.

Вот и последний персонаж появился. Теперь всё сошлось – сорок человек, двадцать комнат, по два человека в комнате.

– Пойдём, провожу, – вместо ответа предложила я.

Он, по-прежнему с каким-то непонятным испугом, воззрился на меня, потом быстро закивал.

Никита открыл дверь сразу же, будто стоял перед входом и ждал, кто сейчас придёт. Он был в толстом сером свитере, в одной руке держал раскрытую книгу, в другой – недоеденный бутерброд.

– Соседа тебе привела, – отрапортовала я. – Знакомься!

– Жаль, – вздохнул мальчик, – умеешь же ты настроение

портить, Наська! Ладно, заходи! – Пропустил он в комнату моего найдёныша. – Если ты в компах не шаришь, значит по-дружимся. Если шаришь – извини. Двум художникам вместе не ужиться...

Последнюю фразу я расслышала уже из-за закрытой двери. Мог бы, кстати, и спокойной ночи пожелать!

– Укомплектовались! – обрадовала я Полину. – Последний пришёл.

– Наконец-то! Кто такой? – Вскинулась моя новая подруга, приготовившись печатать. Клавиатуру она вытащила почему-то из-под подушки.

– Мы не успели познакомиться. Да это и не важно, завтра разберёмся.

– Полный бардак начинается с таких вот мелочей, – сообщила Полина. Она подпрыгивала, сидя на кровати, словно проверяла крепость пружин.

– Тоже из фольклора твоего папы?

Полина склонила голову, словно размышляла, издеваюсь я или нет. Наконец, ответила:

– Ага.

И с интересом стала ожидать комментариев.

Я ничего не ответила и принялась устроить на столе большую пластиковую вазу.

– Завтра цветы какие-нибудь соберу. Клумб тут много. Надеюсь, нам за это ничего не будет?

Всё-таки психология – не мой конёк; перевести разговор

на другую тему у меня не получилось.

– Если решили сегодня всех переписать, то не нужно откладывать на завтра, – произнесла Полина нудным и монотонным голосом, не обращая никакого внимания на мои уловки. Так, наверное, в бюрократические времена зачитывали доклады, которые никому не были нужны, в том числе самим докладчикам. Потом, видя, что я отношусь к её словам более чем прохладно, безнадёжно махнула рукой. – Да ну тебя. Для вас же стараешься!

Неожиданно дверь распахнулась.

Я уронила вазу, благо, та не разбилась. Полина взвизгнула и прикрылась одеялом, хотя была полностью одета. В дверях стоял Никита.

– Вы кого мне привели? – Голос у него дрожал от возмущения.

– Во-первых... – сбивчиво принялась объяснять я, не совсем представляя, что именно буду говорить.

Полина, которая уже успела опомниться, выручила меня.

– Во-первых, сядь и успокойся, – твёрдым голосом приказала она. – Настюх, дай ему стул. Во-вторых, – теперь моя подруга заговорила сладко-сладко, – если ты считаешь, что мы не понимаем, почему ты взялся помогать нам с расселением, то глубоко ошибаешься, это невооружённым глазом видно. Комнат двадцать, нас – тридцать девять. Ты решил поселиться один. Если бы ты не выкаблучивался, то сам бы выбрал соседа. А теперь у тебя выбора нет, живи с тем, кого

Бог послал.

Только потом я поняла, что чем более сладким голосом вещает Полина, тем быстрее и дальше нужно от неё убежать. А самые жуткие гадости она вообще говорит таким тоном, словно малышам в детском садике сказку на ночь рассказывает.

– Интересно, – произнесла я в глубокой задумчивости, – что это такое он тебе сказал, что ты через минуту примчался сюда?

– Неважно, – буркнул Никита и отвернулся.

– Ещё как важно! – Так же сладко мурлыкнула Полина. – Никиточка, колись!

– Пойду я лучше!

И он ушёл.

Когда за ним закрылась дверь, мы переглянулись и расхохотались.

– Ты чего в одеяло закуталась?

– А... это? – Удивилась Полина с удивлением оглядывая себя. – Рефлекс такой. Если сидишь на кровати и кто-то врывается в комнату, то обязательно нужно прикрыться. А ты, что, по-другому бы сделала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.